

Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Московский государственный областной университет

Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии:

*круглый стол
в Московском государственном
областном университете*

Москва
2012

УДК 930. 2
ББК 63
М – 73

*Печатная версия опубликована в серии
«История и политические науки»
журнала «Вестник МГОУ» 2011 № 3*

М – 73 Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии: круглый стол в Московском государственном областном университете. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 92 с.

В книге опубликованы материалы прошедшего в МГОУ Круглого стола, посвященного многофакторному подходу как теоретической проблеме исторического познания. В ходе выступлений участников круглого стола и дискуссии были затронуты проблемы единства и многообразия в историческом процессе и в историческом познании; соотношения формационного и цивилизационного подходов к изучению истории; азиатского способа производства в работах К. Маркса и отечественных историков и др. Участниками Круглого стола стали доктора исторических наук Л.Б. Алаев (Институт Востоковедения РАН), С.А. Воронин (Российский университет дружбы народов), В.И. Кузицин (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова), Б.Г. Могильницкий (Томский государственный университет). В.И. Овсянников (Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова), А.М. Родригес (Московский государственный педагогический университет), Н.И. Смоленский (Московский государственный областной университет).

УДК 930. 2
ББК 63
© Коллектив авторов, 2012
© Журнал «Вестник МГОУ», 2012

Содержание

<i>Н.И. Смоленский.</i> Вступительное слово	4
<i>Л.Б. Алаев.</i> Мировой исторический процесс: единство в многообразии.....	8
<i>А.М. Родригес.</i> Реплика	17
<i>В.И. Кузицин.</i> Понятие «основной производитель» как теоретическая проблема	19
<i>В.И. Овсянников.</i> Реплика.....	31
<i>Н.И. Смоленский.</i> Реплика	33
<i>В.И. Овсянников.</i> Сложился ли цивилизационный подход в отечественной историографии?	34
<i>Б.Г. Могильницкий.</i> Формационный и цивилизационный подходы в изучении истории: антагонисты или союзники? Историографический аспект	38
<i>Л.Б. Алаев.</i> Реплика.....	46
<i>С.А. Воронин.</i> К вопросу об азиатском способе производства: социоисторические аспекты.....	47
<i>Л.Б. Алаев.</i> К вопросу об азиатском способе производства	62
<i>С.А. Воронин.</i> Реплика на комментарий Л.Б. Алаева.....	69
<i>А.М. Родригес.</i> К вопросу о «формации» и «цивилизации» на Востоке	73
<i>Л.Б. Алаев.</i> Реплика	80
<i>Н.И. Смоленский.</i> Заключительное слово	82
<i>Литература</i>	88

Вступительное слово

Уважаемый коллеги! Темой нашей встречи является проблема многофакторного изучения истории. Она имеет два аспекта: конкретно-исторический и теоретический. В первом случае независимо от пространственно-временных рамок изучаемых явлений речь идет о поиске их причин (движущих сил, факторов). В зависимости от самих явлений это могут быть: географическая среда, экономические отношения, социально-политические условия, духовная атмосфера, психология, демография и т. д.; роль этих факторов в различных исторических условиях в каждом случае неизбежно различна; степень влияния каждого из них определяется в ходе конкретно-исторического исследования.

Однако это не только проблема конкретно-исторического анализа. Сам этот анализ в любом случае не может обойтись без постановки вопроса о том, что в движущих силах событий является важным (главным), что — менее важным или второстепенным, а что может быть отнесено к категории случайностей: конкретные исторические условия места и времени исключают возможность равнозначности различных причин различных явлений. Философская постановка вопроса об основах первичности всего сущего, сформулированная впервые в эпоху античности, как и все последующее развитие философской мысли, не уничтожают и не могут перечеркнуть неисчерпаемое многообразие исторических событий в восприятии реальности. Живая ткань истории во все времена является продуктом взаимодействия совокупности факторов, неравнозначных в каждом случае по своей сути и роли. Следовательно, с этим не может не считаться и теоретическая постановка вопроса в форме и самого крайнего, последовательного монизма мышления: он не в состоянии сделать многообразие факторов несуществующим или несущественным в структуре познания. Это многообразие не выводится теоретически и не требует теоретического обоснования: оно является адекватной констатацией исторической реальности.

Опора на неисчерпаемое, по существу, многообразие исторической реальности является начальной фазой ее познания, но вместе с тем это и препятствие на пути постижения ее сущности, скрытой за внешней, всегда конкретной формой ее проявления. Итог познания предполагает постижение исторических событий, процессов истории в целом, как единства и целостности. Конечной фазой мышления не может быть выявление многообразия факторов, но требуется анализ их соотношения по признакам их значимости не только по отношению к данной конкретной ситуации, но и в связи с тем или иным периодом истории или применительно к ней в целом. Чтобы понять сущность реформации в Европе, надо отойти от констатации многообразия картины исторической действительности и выявить фактор решающего значения, которым стало формирование капиталистических отношений, о чем весьма прозрачно свидетельствует содержание догмата кальвинизма о светском призвании. Впрочем, здесь же следует признать, что для понимания формирования англиканской церкви, сохранявшей черты сходства с католицизмом, недостаточно опоры только на материальный фактор. Далее, проблема периодизации, независимо от масштабов пространственно-временных рамок изучаемого, требует отхода от многообразия и определения фактора определяющего значения. Постановка вопроса о наиболее значимом факторе как движущей силе событий подготовлена и выдвинута в развитии философско-исторической мысли.

На ступени перехода от Средних веков к Новому времени в странах Западной Европы это развитие связано с постановкой вопроса и выявлении отдельных факторов и их роли в качестве движущих сил развития событий. Одним из первых стало выдвижение географической среды (Ж. Боден, Ф. Бэкон, хотя в зачаточной форме это было уже у Гиппократ). Философско-историческая мысль Просвещения характеризуется выделением некоторой множественности факторов с опорой в ряде случаев на один из них как главный; преимущественно такая роль отводилась умственному развитию в форме общего просветительского взгляда: мнения правят миром. Однако тут были и другие факторы: географическая среда (Монтескье), демография (Гельвеций), в некоторой степени проявилось понимание роли материального фактора: собственность — признак полноправного гражданина, только собственники имеют право голоса в общественных делах (Вольтер). У представителей следующего поколения

мыслителей материальный фактор еще более значим: собственность — основа общественного здания, нет изменений общественного порядка без изменения формы собственности (Сен-Симон). Однако решающую роль в истории этот мыслитель отводил господствующей в данное время философской системе, т. е. идее мыслящего рассудка. В этом — своеобразие данной формы монизма. Монизм Гегеля и Маркса в этой связи не нуждается в комментариях. Родоначальник позитивистской теории факторов Г. Спенсер, при всем его стремлении отстаивать значимость множества факторов, в конечном счете склонялся к преобладанию в истории в качестве ее движущей силы умственного фактора, т. е. сферы интеллектуального развития. Гораздо более определено в пользу этого фактора выражена позиция Г. Бокля. Наконец, современное историческое познание, опираясь на предшествующее его развитие и в дополнение к нему характеризуется наличием следующих видов детерминизма монистического характера и типа: экономический детерминизм (кроме марксистского варианта), географический детерминизм, демографический детерминизм, психологический детерминизм, концепции идеальных движущих сил истории, экологический детерминизм, технологический детерминизм, биологический детерминизм и др. Это — значительно более внятная ситуация в современном историческом познании, чем это было в прошлом; более определено, чем когда-либо до сих пор, здесь выражена тенденция к поиску и формулировке ведущего (главного, основного, фундаментального — общепринятого понятия в данном отношении нет) фактора как движущей силы исторических событий и процессов и истории в целом. В этом правомерно усматривать реакцию на потребность исторического познания в области конкретно-исторического анализа и теоретического мышления; поиск основополагающего фактора научно оправдан и выражает логику развития исторического познания. Конечной основой этого является неравнозначность факторов (причин) во всем многообразии конкретных исторических событий и процессов.

Этот вывод нуждается в следующих ограничениях: 1) каждый из видов упомянутого (и не названного) монизма не выглядит на равных с другими в смысле шансов на истину, на адекватно-научное отображение и объяснение событий; мера научности результатов познания будет в каждом случае разной; 2) ни один из видов детерминизма не может быть достаточным для исчерпывающего

объяснения изучаемого, для такого объяснения требуется опора мышления на иные, в зависимости от изучаемых явлений, их места и времени, факторы; 3) ни один из видов детерминизма не обладает монополией на истину.

Проблему многофакторного подхода участники круглого стола рассматривают по-разному: в одних случаях — в связи с дискуссией о соотношении формационного и цивилизационного подходов (Родригес А.М., Могильницкий Б.Г., Овсянников В.И.), в других — в качестве самостоятельных аспектов многофакторного подхода (Алаев Л.Б., Кузищин В.И., Воронин С.А.). Начнем со второго подхода.

Вам слово, Леонид Борисович.

Л.Б. Алаев

Мировой исторический процесс: единство в многообразии

Недостатком всех выдвигавшихся теорий исторического процесса является, во-первых, приписываемая истории однолинейность и директивность предлагаемых этапов развития. Как правило, не делалось различия между глобальными закономерностями и локальными путями развития. Во-вторых, все теории истории возникали в Западной Европе и брали за образец европейские исторические этапы. Европоцентрический подход существенно искажает взгляд на всемирную историю. В-третьих, осознание того, что история подчиняется каким-то законам, вызывало стремление найти «философский камень» — выделить единый все объясняющий фактор. Таким фактором в разных построениях служит либо развитие нравственности, духовности, либо эволюция институтов государственности, либо развитие хозяйства и экономических отношений. Не буду перечислять все выдвигавшиеся схемы исторического процесса. Специалисты хорошо с ними знакомы.

Но одна из теорий — а именно марксистская — должна быть упомянута хотя бы в качестве примера, но, конечно, также и потому, что она глубоко укоренена в нашем сознании.

Марксизм воспринимается как всеохватывающая теория исторического процесса — и, вместе с тем, она соотносится только с западноевропейской историей. Упомянутые Марксом формации — это этапы западноевропейского процесса, как он его понимал. Даже Восточная Европа была населена, по его мнению, «неисторическими народами» [27, 181-183, 293, 294], тем более не имели истории народы Востока. Даже «азиатский способ производства» в его понимании меньше всего относится к Азии: он существовал в Европе до античности¹. Эти взгляды возникли потому, что представления о перво-

¹ Подобное мнение выражено Марксом весьма недвусмысленно [29, 20; 30, 88, 346; 35, 36].

бытном обществе в то время были крайне смутными. Маркс, как и Энгельс, считали, что сельские соседские общины, существовавшие в Германии в Средние века и в России в XIX в., являются пережитками первобытности. Маркс отождествлял «азиатскую общину» с «первобытным коммунизмом» [33, 439]. Энгельс и в 1888 г., т. е. когда он уже познакомился с трудами Л. Моргана и принял его концепцию родового строя, продолжал утверждать, что «сельская община с общим владением землей является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества от Индии до Ирландии» [26, 424]². Подобные взгляды представляются сейчас абсурдными. Но Маркс и Энгельс имеют право на собственную точку зрения.

Из этого ясно, какие трудности испытывали советские востоковеды, работавшие в рамках марксизма. Они были вынуждены употреблять глубоко европоцентрическую теорию, анализируя истории стран, для которых она не была предназначена. Отсюда поиски на Востоке рабовладельческой формации в древности и феодализма в Средние века, настойчивые поиски аналогий между западными и восточными институтами.

Для ясности укажу, что я не против сравнения западных и восточных обществ и нахождения в них общих черт. Но сложилось так, что в последние десятилетия потерялись «точки отчета», модели для сравнения. Античное общество в новых учебниках уже не называют «рабовладельческим» [48]. Соответственно, и востоковеды перестали характеризовать древневосточное общество как «рабовладельческое». Оно теперь носит изящное и «информативное» название «древнее общество» [16, 22; 9]. В последнее время ставится под сомнение применимость термина «феодализм» к обществу средневековой Западной Европы [42; 49]. В этих условиях выражение «восточный феодализм», пока еще наиболее употребительное в работах востоковедов-медиевистов [17, 600-626; 18, 9-27; 1, 208-220], «провисает», теряет смысл.

Решение проблем периодизации истории достаточно простое и лежит на поверхности. Надо четко разделить периодизацию всемирную и локальную. Фокусирование на одной делает размытой другую. Это проблема масштабов места и времени. Если мы смотрим на

² О том, что германская и русская общины возникли уже в Средние века, когда ни о каком первобытном строе не могло быть речи, написано много. Я разбираю этот вопрос в ряде работ, включенных в [2]

всемирную историю в целом, мы видим постоянный и неуклонный прогресс. Нельзя возразить против того, что человечество в целом прошло или проходит следующие этапы: первобытность, аграрное общество, индустриальное общество, постиндустриальный или информационный мир.

Но это не значит, что все социумы прошли или обязаны пройти все этапы. «Человечество» прошло эти этапы «в лице» своих отдельных представителей. Хорошо известно, что многие племена и народы по этой всемирной шкале не поднялись выше первобытности, другие — выше аграрного общества. Кстати, это вовсе не значит, что они «топтались» на месте. Они шли «в сторону». Т. е. их история демонстрирует иные закономерности, чем истории иных обществ. Когда же они начинают испытывать влияние более развитых обществ, они не повторяют их путь, а создают «многоукладные» (как мы раньше говорили), синкретические, гетерогенные общества, всякий раз уникальные. Подталкиваемые более развитыми соседями, они, тем не менее, каждый идут своим путем. Развитые общества не могут «свернуть» отстающие общества на путь, который они сами прошли: он остался в прошлом.

«Свой путь» вовсе не означает свободу в его выборе. Те руководители современных развивающихся стран, которые провозглашают «третий путь» и отвергают вестернизацию, вынуждены реагировать на импульсы, идущие с Запада, и их политика, таким образом, в значительной степени predetermined этими импульсами.

Переход к аграрному обществу был вызван «неолитической революцией». Но она произошла в одном месте (или, по мнению некоторых, в двух местах), и оттуда распространилась на другие (не все!) народы. Т. е. общества шли к земледелию разными путями: самостоятельно или же под влиянием (под давлением!) других обществ. Соответственно, хронология и закономерности этих процессов были разными.

Политогенез, образование государств, шел по такому же сценарию. Самопроизвольно государство образовалось лишь в 6 точках земного шара. Все теории возникновения государства относятся только к этим 6 точкам. Ко всем остальным народам «раскрытые» антропологами закономерности становления государственности под влиянием внутренних процессов просто не имеют отношения! Они стали государствами под влиянием внешних факторов. (И,

опять-таки, не все. Некоторые племена развивали племенной строй до уровня социальной стратификации, сопоставимого с государствами.)

Стоит ли делить этап аграрного общества на «древность» и «средневековье», — это вопрос, решаемый на локальном уровне. В Европе это деление бросается в глаза: античность и средневековье явно образуют два периода, два этапа, две цивилизации, если хотите. Правда, вопрос о времени перехода требует нового рассмотрения. Дата падения Западной Римской империи совершенно не отвечает «требованиям», которые можно предъявить к «переломному рубежу». Мне кажется, что создание империи Александра, а затем Римской империи уже были «первыми звоночками» угасания античной цивилизации. А переломным можно считать время распространения христианства в Римской империи, т. е. IV в. Но это конкретные вопросы, которыми должны заниматься специалисты. Желательно — без оглядки на устоявшиеся каноны.

Достоин отдельного рассмотрения этап «очаговых цивилизаций» (III-II тыс. до н. э.). Этот этап был только на Востоке. Европа такого этапа не знала. И его нельзя рассматривать как «древность», объединяя с античностью. Дело здесь не только и не столько в разнице способов производства (хотя эта разница присутствовала), сколько в специфической общемировой ситуации: очаги цивилизации, почти не имеющие связи между собой, окруженные морем варварства. Это создавало специфическое «очаговое» мышление: представление о «людях» и варварах, о том, что некоторые особи предназначены для рабства и т. д. Конечно, «очаговое» мышление видно и в античности. Но еще в древнегреческий период произошло расширение «цивилизованного очага» на всю акваторию Средиземного и Черного морей. А в римский период распространение «римского гражданства» на всех жителей Империи означало преодоление «комплекса цивилизованного очага».

Значение рабства для характеристики древних обществ заключается не в том, что оно играло важную роль в производстве. Даже самые «рабовладельческие» общества базировались не на рабском труде, а на труде свободных общинников — как в Греции, так и на Востоке (после периода царско-храмовых хозяйств в очаговых цивилизациях). Институт рабства служит показателем нравственного состояния общества и поэтому может быть использован для

суждения об уровне его развития в целом. Нравственный уровень — это, может быть, главный показатель прогресса. Может быть, мы научимся его когда-нибудь измерять. Пока нет критериев для измерения нравственного уровня. Но кто сказал, что история — легкая наука?

На Ближнем и Среднем Востоке эпохальным событием явилось распространение ислама. Оно отделило восточное средневековье от древности. Может быть, это не изменило способа производства, но изменило всю духовную жизнь, а вместе с нею — экономику.

В Индии тоже явно прослеживается древность и средневековье, разделяемые варварским завоеванием Северной Индии эфталитами (так называемыми «белыми гуннами») и Южной Индии — племенами каллабхров. Не буду подробно перечислять возникшие при этом новшества. Укажу лишь на создание лестницы вассалов — раджпутских военачальников разного ранга — на Севере, и общинно-политического строя — на Юге.

Китаисты традиционно начинают свое средневековье с падения державы Хань (III в. н.э.). Подозреваю, что это продиктовано европейскими моделями — стремлением найти рубеж, максимально приближенный к «правильной» дате наступления Средневековья, — к дате падения Западной Римской империи. Мне кажется, что следовало бы внимательнее отнестись в дате, находящейся не на сломе «династийного цикла», а «внутри» цикла династии Тан. В 780 г. была отменена надельная система. Государство отказалось впредь от вмешательства в землепользование крестьян и других землевладельцев. Система землевладения-землепользования в Китае стала похожей на ближневосточную и индийскую. Я бы начинал средние века Китая с этой даты.

Вопрос о правомерности выделения в истории стран Востока периода Средневековья вызывает дискуссию. Л.С. Васильев продолжает утверждать, что ничего принципиально нового на Востоке в средние века не произошло, и он рассматривает древность и средневековье отдельно только для удобства изложения [7, 72-73]. Однако одновременно утверждается, что средневековый Восток имел «мало общего с древневосточными цивилизациями» [6, 17], эпоха средневековья отличалась от древности «во многих отношениях» не только на Западе, но и на Востоке. Однажды он упоминает духовные изменения, произошедшие в средние века [6, 438], имея в виду ми-

ровые религии и укрепление конфуцианства в Китае. Отмечаются “открытие и широкое применение новых технологий”, “достижения культуры” и то, что “Восток видоизменился и в плане преобладающего типа государства” [7, 19]. Имеются в виду крупные империи. Признается, что в средние века произошло “расширение зоны, освоенной урбанистической цивилизацией” [7, 22], а также значительное развитие торговли, в том числе караванной [7, 25]. Но всему этому, по мнению автора, не следует придавать серьезного значения: «речь не идет о каких-либо принципиальных структурных различиях» [6, 427; 7, 18].

Что автор понимает под «структурными различиями»? Мы ведь теперь не обязаны искать «способ производства». Изменение характера государственности и распространение новых, именно мировых, религий — это незначительные изменения? Видны изменения и в экономике. Утверждается хозяйственно самостоятельное крестьянское хозяйство как основной тип хозяйства. Государство отказывается (как в Китае, о чем уже говорилось) от вмешательства в землевладение и землепользование общинников. Видимо, надо учитывать всю группу факторов, приведших к изменению характера общества.

В период Средневековья Западная Европа и страны Востока обнаруживают как значительное сходство социального строя, так и существенные различия, определившие их разную судьбу. Но и там и там был некий этап, который можно назвать «некапитализмом», «аграрным обществом», «традиционным обществом». Он характеризуется сочетанием:

- железных (не бронзовых) орудий для ручного труда и соответствующего оружия;
- преобладания сельского хозяйства над другими сферами экономики (аграрная экономика);
- преобладания мелкого (крестьянского и ремесленного) хозяйства, т. е. хозяйства, где один человек и принимает хозяйственные решения, и выполняет их (при помощи других членов семьи и — в ряде случаев — зависимых лиц);
- наследственности занятий, сращенности человека с определенным видом труда;
- преобладания натурального хозяйства (никогда не абсолютной натуральности);

- «всеобщей связанности», корпоративности и общинности социальной жизни;
- отношений «дара–отдара» как системообразующего принципа;
- иерархической структуры управления и землевладения;
- господства одной из мировых религий или заменяющей ее идеологической системы (представлений о равенстве всех людей перед Богом);
- империй как основной формы государства.

Эти характерные черты возникали не одновременно. Например, более чем тысячелетие, потребовавшееся для образования системы мировых религий (буддизма, христианства, ислама), не совпадает по времени с тем тысячелетием, которое было отведено историей на формирование системы империй (от Ассирийской державы до четырех империй I века н.э.). Свою хронологию имеет также история орудий из металлов. Но крупномасштабный (глобальный) подход к пространству требует такого же укрупненного подхода ко времени. На крупных временных отрезках довольно тесная корреляция между показателями, возникающими даже и в разное время, как мне кажется, может быть установлена. В конечном счете все они синхронизируются или сливаются.

Все эти общие черты получали различные конкретные проявления. Сейчас, наверное, не место все это обосновывать и углубляться в восточный материал. Достаточно сказать, что общества Востока представляются более системными с точки зрения той модели «некапитализма», которая описана выше, и потому более устойчивыми и застойными. Их вариант аграрного общества оказался неблагоприятным для дальнейшего развития. В общества же Западной Европы были «встроены» несистемные для «феодализма» (или как там его называть) элементы (римское право, хотя оно в раннее средневековье еще дремало); христианство с его постулатом о свободе воли; самоуправляющиеся города), которые подрывали вязкую средневековую систему. Европа сумела эту систему преодолеть и вырваться в лидеры исторического процесса. Это ярко показывает, что периодизация истории отдельных цивилизаций, стран или регионов имеет собственный вектор и не выстраивается в единую линию.

Если признавать многофакторный подход к истории, то возникает еще один принципиальный вопрос. Принято считать, что любая

классификация (а периодизация — частный случай классификации) должна проводиться по единому критерию. Например, по способу производства. Или по этапам развития техники, и только по ним. Или по сменам религий. Или по формам государственности. Я думаю, что исторический процесс настолько сложен, что единого критерия разбиения его на этапы требовать не нужно. Не нужно, чтобы логика побивала живой процесс, идущий под влиянием массы факторов. Я согласен, что все сферы социальной жизни взаимосвязаны, но вижу, что эта связь довольно мягкая. Некая популяция может обгонять другие по степени развития культуры, или по развитию государственности, или по развитию техники, уступая им в других отношениях. В разные периоды роль «системообразующего фактора» может взять на себя политика (государственность), экономика или религия. И мы не должны, находясь в плену наших субъективных представлений о том, какому фактору придавать решающее значение, этого не замечать.

Что касается перехода к индустриальному обществу, а затем также и к постиндустриальному, то этот процесс мы, можно сказать, наблюдали и наблюдаем воочию. Совершенно неоспоримо, что он произошёл на ограниченной территории нескольких стран Западной Европы (Англия, Северная Франция, Нидерланды, Западная Германия, Северная Италия), и затем стал распространяться по миру. Понятно, что генезис капитализма в «первичных» странах происходит по иным законам, чем перенимание его результатов другими странами.

Как бы ни была верно и научно обоснована концепция генезиса капитализма, которую разработал К. Маркс на материале Англии, этот генезис не мог повторяться в других странах. Они жили уже в других условиях...

Итак, при взгляде на человечество с высоты спутника и рассматривая его историю в масштабе тысячелетий, мы можем зафиксировать поступательное движение по вполне определенным этапам. Спускаясь ниже, мы видим разнообразные движения отдельных культур или цивилизаций, вписывающиеся в общемировой процесс, или же направляющиеся в обратном направлении.

Спускаясь еще ниже, мы видим траектории движения отдельных обществ, социумов — совершенно уникальные. Никто не может повторить траекторию другого. Каждый социум, чтобы не исчезнуть,

должен избрать некий свой путь приспособления к мировой ситуации: сочетать свою идентичность с вызовами других социумов и цивилизаций.

Общая периодизация исторического процесса нужна. Она должна определяться этапами эволюции передовых социумов. Для глубокой древности — это, безусловно, Месопотамия и Египет. Для первого тысячелетия до н. э. — это античная Греция. Для раннего средневековья (употребляю европейский термин, потому что не могу подобрать восточный) — это мусульманский мир. Начиная с позднего средневековья и до сего дня (хотим мы этого или не хотим) — это Западная Европа, плавно перетекающая в Северную Америку.

Очевидно то, что есть общемировые этапы эволюции. Но они складываются не из однонаправленных движений отдельных частей человечества. Они «пробивают себе дорогу» или «получаются» из разнонаправленных движений. Как именно происходит это складывание — это главная загадка истории как объекта исследования и истории как науки. Мы только знаем, что это складывание происходит. И что периодизация каждого социума — это отдельная, специфическая, уникальная проблема.

Но при этом история всемирна по существу. Все индивидуальные пути осуществляются в условиях преобладания некоей общности, которая нащупала «генеральную линию» прогресса. И ее влияние на все остальные социумы объективно и непреодолимо. Таким образом, всемирная периодизация истории определяется этапами, переживаемыми ведущими социумами. Другие социумы двигаются по путям истории под влиянием передовых и имеют собственные закономерности развития и не повторяют этапы передовых стран.

Реплика

Сообщение Л.Б. Алаева представляет огромный интерес и является результатом длительной предшествующей работы — накопления материала, его анализа, сопоставления и обобщения. Вполне доказательными (хотя в отдельных случаях возможна иная интерпретация) являются основные положения автора. Прежде всего «... осознание того, что история подчиняется каким-то законам...» уже создает общее поле взаимопонимания и возможность сопоставления терминологий для обсуждения и дискуссий, ведь на разных уровнях возникают теоретики, совершенно отрицающие возможность каких-либо системных явлений в истории, воспринимающие ее как исключительно хаотичный процесс. Нельзя не согласиться также с тем, что в очень общем фазовом (формационном) подходе работает большая часть схемы (этапы всемирной истории — род), хотя до конца не понятно, что включает в себя первобытность (собственно первобытность, первобытно-общинное общество и т. п.) и является ли оседание на землю или развитие примитивного землевладения водоразделом между этими «этапами». Понятны и обоснованы, как я уже отмечал выше, все основные положения, эти и последующие. В частности всегда есть и возникают сомнения или возможности иного осмысления.

Например, в схеме вслед за индустриальным помещено «постиндустриальное» или «информативное» общество (у автора — «мир»), которое уже, очевидно, полностью себя проявило в ряде стран и регионов. Во-первых, «постиндустриальный» и «информативный» — это не синонимы. Во-вторых, о терминологии и о том, что под ней подразумевается: автоматизация экономики, пусть даже будущее преобладание в производстве роботов, снижение удельного веса пролетариата — все это не делает общество индустриальным. «Вымывание» пролетариата — это ведь один из главных аргументов, но это ничего не меняет. На его месте возникает огромная контракти-

рованная масса, сидящая, например, весь рабочий день за столами и уставившаяся в дисплеи, мониторы и т. п., но в целом таких же зависимых наемников, отлученных, как и старый пролетариат, от средств производства и капитала, получивших в западной науке термин «информлиат» (по сути пролетариата общества высоких технологий). Все же материальные блага общества по-прежнему «производятся» (вот когда можно будет носить одежду, сшитую при помощи нанотехнологий, а передвигаться при помощи телекинеза, вот тогда можно поговорить о постиндустриальном обществе). Совершенно иначе (и в терминологии, и в здравом смысле) выглядит определение «посткапиталистическое общество», когда строго определяется, что закончилась (в наиболее развитых странах, видимо, в 1950-х — 1960-х этот процесс уже обозначился) эпоха прежнего капитализма, описанного Марксом и особенно — на примере России Лениным («Развитие капитализма в России»), что изменились во многом производственные отношения, роль государства, общественных организаций и т.п. (хотя мне кажется, что этот процесс слишком зыбкий и неустойчивый, — что подтверждают провалы и издержки глобализации и мультикультурного паритета обществ). В частности это демонстрируют последние события в Европе (хиджаб, платок, фетва и т. п.). Очевидно, само определение «постиндустриальное» возникло лишь потому, что «посткапиталистическое» по-прежнему, наводя на ассоциации с марксизмом и неомарксизмом (Грамше, Маркузе и др.), вызывает, мягко говоря, неприятные ассоциации на Западе. Есть ряд других положений, которые могут быть истолкованы по-разному, но это уже вопрос субъективного видения, методологий, точек отсчета. Это можно обсудить в ходе работы Круглого стола. Это все не меняет того, что статья (доклад) представляет научную ценность, логична, стилистически восприимчива и очень важна для разработки этой важной темы.

Понятие «основной производитель» как теоретическая проблема

Понятие «основной производитель» — одно из наиболее употребительных в социологии, историософии, политологии понятий, настолько употребительных, что оно потеряло свой теоретический характер, оно зачастую теперь воспринимается как неопределенное обозначение «работник» — не больше и не меньше.

По моему мнению, понятие «основной производитель» — это важное теоретическое понятие, наполненное глубоким смыслом, который выводит исследователя на крупные методологические и исторические аспекты анализа исторического процесса.

Хотелось бы поставить несколько вопросов, связанных с анализом этого теоретического понятия.

1. Определение самого содержания этого понятия, т. е. определение того, «кто такой «основной производитель» в разных исторических условиях.

2. Выявление разных типов «основного производителя» в разных исторических условиях, классификация этих типов.

3. Характеристика каждого типа, т. е. анализ его внутренней структуры, его производственная и социальная квалификация, его роль в обществе и производстве.

4. Определение трансформации одного типа в другой и выяснение причин этого и последствий для эволюции самого производства и общества, его культуры.

5. Поставка вопроса об обоснованности понятий «основной производитель» и «неосновной производитель».

Позвольте ознакомить с краткими ответами на поставленные вопросы.

1. Кто такой «основной производитель» в современных исследованиях.

Это представитель низшего класса, будь это раб, мелкий землевладелец или ремесленник в древности, крепостной крестьянин (ремесленник) в феодальное время, это бедный землевладелец, наемный рабочий в капиталистическом обществе. Это работник, живущий трудом своих рук, с трудом сводящий концы с концами, как правило, лишенный многих прав, всецело зависимый от власти или своего землевладельца, как правило, неграмотный, опутанный многочисленными долгами. Как правило, «основной производитель» представляет подавляющее большинство населения», жестоко эксплуатируемый человек, который, так сказать, заражен классовой ненавистью, прорывающейся время от времени в крупных рабских, или крестьянских, или пролетарских восстаниях, иногда принимающих форму жестоких революций.

В сущности говоря, эта характеристика фигуры «основного производителя» во все периоды мировой истории, от глубокой древности до нашего времени в принципе одинакова, хотя и указываются отдельные различия, не имеющие, впрочем, принципиального характера.

Восстания рабов и бедняков в Древнем Египте в конце среднего царства, движение «краснобровых» или «желтых повязок» в I — III в. в Древнем Китае, мессенские войны илотов в Спарте, массовое бегство афинских рабов во время Пелопоннесской войны, грандиозные восстания сицилийских рабов II в. до н.э. или настоящая невольничья война под руководством Спартака описываются, как правило, с одинаковых позиций (голод, бесправие, социальная ненависть), т. е. подчеркиваются одни и те же принципиальные причины восстаний, их одинаковую направленность, развитие и завершение восстаний.

Более того, по той же схеме излагаются ситуации и с крестьянскими восстаниями в феодальную эпоху, и даже рабочее движение и пролетарские революции в новое время. Все эти более или менее однотипные характеристики различных восстаний «основных производителей», по моему мнению, исходят из более общего взгляда на положение, психологию и устремления, саму внутреннюю структуру этого слоя как однотипного в целом во все исторические эпохи, что, на мой взгляд, теоретически и методологически неправомерно и сильно упрощает, а порой искажает реальный исторический процесс.

2. По моему мнению, социальное положение, структура, психология и даже сама культурная составляющая того класса, которое обычно обозначается понятием «основные производители», является значительно более сложным, противоречивым и глубоко дифференцированным. Оно далеко от той внутренней гомогенности, которой их наделяют некоторые исследователи и интересы слоев, которые в целом составляют этот класс, далеко не совпадают друг с другом.

Позвольте это проиллюстрировать на материалах древней истории. Возьмем близкую мне ситуацию в Древнем Риме и Древней Греции и, в частности, сельское хозяйство — ключевую отрасль экономики, основу социально-классовой организации общества и где трудилось подавляющее большинство населения. Скажем, речь пойдет о II в. до н.э. — II в. н.э.

В этой сфере «основные производители» сельскохозяйственной продукции и сырья — кто они? Кто сюда входил? Конечно, рабы, занятые в сельском хозяйстве мелких, средних, крупных поместий. Но только ли рабы? Существовал внушительный сектор свободного независимого крестьянства (собственники небольших участков), уже стремительно распространяются арендные отношения, где заняты и разорившиеся свободные крестьяне-собственники, и вольноотпущенники.

В целом существовал многочисленный слой свободного (собственники), полусвободного (арендаторы), вольноотпущенные, которые бесспорно входили в состав «непосредственных производителей».

Таким образом, класс «непосредственных производителей» в сельском хозяйстве делился на три, по меньшей мере (очень разных по своей структуре, имущественному и правовому положению, менталитету и психологии, своим социальным интересам), прослойки: 1. рабы; 2. свободные земельные собственники — граждане; 3. полусвободные работники (вольноотпущенники, перегрины, безземельные граждане — арендаторы, колонны).

Ранее мы исходили из предположения, не больше (точных данных не было), что основной (даже подавляющей частью, ведь II в. до н.э. — II в. н.э. признавался временем высшего расцвета римского рабства) состав (по численности и по значению) состоял из рабов, что позволяло нам говорить о рабовладельческом обществе Древнего Рима.

Сейчас этого сказать нельзя. Можно лишь утверждать, что понятие «основной производитель» в теоретическом значении не составляло одного гомогенного класса, а состояло из нескольких слов, имеющих свой специфический социальный интерес.

Так было в Риме. Если мы рассмотрим социальную структуру древнегреческого общества эпохи, его зрелости в V–IV вв. до н.э. и сравним с древним Римом, то здесь опять-таки структура понятия «основной производитель» будет существенно отлична от вышесказанной римской. При всем разнообразии греческих полисов, можно выделить две разновидности, два типа понятий «основной производитель»: афинский тип крестьянина, описанный Аристофаном, и спартанский тип землевладельца-илота. Между ними лежала пропасть, отделявшая один тип от другого, хотя и тот и другой бесспорно принадлежали к пониманию «основной производитель».

Афинский тип более напоминает то, что мы называем сейчас мелким фермерством. Согласно Аристофану, дикееполь — это небогатый земледелец, владеющий небольшим земельным участком на правах частной собственности. Он его обрабатывает своими руками, ему помогают (именно помогают) 1-2 раба (не больше). Он не платит прямых налогов, он возделывает хлебное поле, виноградник, масличный сад, овощи и фрукты, знает рыночную конъюнктуру и достаточно тесно связан с городским рынком, где реализует свою продукцию. Он полноправный гражданин и активный участник Народного собрания, т. е. высшего органа власти полиса. Он грамотен, обладает чувством собственного достоинства и активно защищает свои интересы не столько в бунте, сколько в легальных государственных структурах.

И такие мелкие землевладельцы составляли большую часть афинского гражданства. Другой частью «основных производителей» были рабы, которые занимались обработкой поместий афинских землевладельцев, описанных Ксенофонтом, где трудились 15-20 рабов под непосредственным управлением своего хозяина. Они не имели прав, рассматривались Аристотелем и Ксенофонтом как сугубо рабочая сила, аналогичная скоту, беспрекословно выполняющая указания господина. Как уже было сказано, по 1-2 раба было и у афинских мелких землевладельцев-граждан.

Трудно сказать, как велико было численное соотношение между собственно свободными землевладельцами, занятыми в сельскохо-

зяйственном производстве рабами, работавшими в крупных поместьях и в хозяйстве афинских крестьян (данных просто нет), но, по моему предположению, их численность была приблизительно одинаковой, но с некоторыми преобладанием крестьян. Однако с полной уверенностью можно предположить, что никакой внутренней социальной гомогенности между гражданами, собственными руками обрабатывающими свой земельный участок, и рабами, занятыми в сельском хозяйстве, не было. Это были очень разные по своей внутренней структуре, социальному положению, психологии, менталитету, культурному потенциалу социальные слои. Их социальные интересы и предпочтения не пересекались.

Спартанский пример. Здесь положение было проще. Непосредственными производителями были в подавляющем большинстве илоты, которые были наследственными владельцами небольших земельных участков, обрабатывали их своими руками, а полученную продукцию они делили на две части: половину оставляли себе на непосредственное потребление, а половину передавали своему господину-спартанцу. Эта передача производилась непосредственно, не прибегая к услугам рынка. Нет никаких известий о том, что илотовладелец участка использовал рабов как дополнительную рабочую силу вне своего земельного участка. Илот был прикреплен к своему хозяину-спартанцу пожизненно, сменить его по своей воле не мог. Иначе говоря, это было традиционное натуральное хозяйство крепостного типа. Вместе с тем были некоторые институты спартанского полиса, которые трактовали юридическое состояние илотов как рабское (институт криптий, происхождение илотии из военного пленения, завоевание Мессении, особое положение государства как господина, собственника илотов).

В другом греческом обществе понятие «основной производитель», если брать и афинский и спартанский опыт, включало три различных по всем своим параметрам национальных отношения, между которыми не прослеживается какое-то пересечение социальных интересов.

Однако экономическое значение, происхождение, менталитет каждого социального слоя в составе общего класса непосредственных производителей, будучи глубоко различными, оказывали разное влияние на общество в целом. Проще было в спартанском полисе. Здесь в составе класса непосредственных производителей явно до-

минировали крепостнические отношения над собственно рабскими и придавали спартанскому обществу тот непонятный характер, который сбивает с толку современных исследователей. В Афинах рабов было очень много, но не больше, чем собственно крестьян-граждан. Но экономический эффект от рабских хозяйств, поместий типа Ксенофонта был в афинской экономике значительно большим, чем крестьянским сектором, и это окрашивало социальные отношения в рабовладельческие тона. Наряду с большим количеством рабов в ремесле, торговле это усиливало рабовладельческий характер афинского общества, придав ему классические формы рабовладения.

Большие отличия существовали между греческим и римским классами непосредственных производителей эпохи расцвета этих обществ.

В Греции V–IV вв. до н.э. рабский класс комплектовался в большей степени из варваров и главным образом через рабский рынок. По греческим представлениям, эллин не мог быть рабом в принципе (отдельные случаи не в счет, они были проявлением чрезвычайных обстоятельств). По этим соображениям греческое общество в самой минимальной степени практиковало отпуск рабов на свободу.

В Риме, напротив, во II в. до н.э. — II в. н.э. комплектование рабской массы происходило в рамках римской государственно-правовой системы в провинциях. Римляне отказывались (и это стало принципиальным отличием концепции римского рабства от греческой теории) от аристотелевского понимания рабства как сугубо варварского природного явления умственной неполноценности рабов по сравнению с эллинами. В отличие от Аристотеля римляне рассматривали своих рабов лишь с юридической точки зрения, т. е. как лишенного всех прав, но с точки зрения человеческих качеств и способностей ничем не уступающих самим римлянам. Этим самым был снят барьер, препятствующий широкому развитию вольноотпущенничества в Риме, который привел к более широкому его распространению. Оно фактически стало постоянным источником пополнения корпуса римских граждан вплоть до того, что к I в. н.э. римское гражданство состояло из бывших рабов, освобожденных от рабства и воспитанных в римском духе. И они наполняли ряды римских крестьян, ремесленников и торговцев, т. е. другую часть класса непосредственных производителей. Это в Греции было невозможным. С одной стороны, массовый приток рабов со всего

Средиземноморья в Италию, а с другой, довольно частый отпуск рабов на волю накладывал особый отпечаток на общий характер социальных отношений, повышал удельный вес рабства в обществе, которое постоянно обновлялось в своей массе. Требуя новых масс невольников вместо отпускаемых на свободу, римляне, с одной стороны, активизировали процесс рабовладения как таковой, с другой, пополняли слой свободных непосредственных производителей. Как можно видеть, сама структура класса непосредственных производителей в Греции V–IV вв. до н.э. и Рима II в. до н.э. — II в. н.э. была совершенно различной и имела различные последствия в развитии как греческого, так и римского общества.

Таким образом, концепция греческого рабства возводила трудно преодолимую правовую стену между состояниями рабства и свободы и практически исключала динамическую циркуляцию между свободными (или зависимыми) рабскими слоями единого класса «непосредственных производителей».

Напротив, римское понимание рабства позволило наладить постоянную циркуляцию между свободной частью непосредственных производителей (в частности свободным крестьянством и рабской массой) стирая в общественном сознании принципиальные (естественные) различия между свободой и бесправием. Это имело большие исторические последствия, делая естественным переход от массового рабства к широкому развитию крепостничества, а затем и полной свободе, что и происходило в варварских государствах, возникших на обломках Римской империи в средневековой и новой Европе.

С другой стороны, римская концепция, римская концепция рабства делала реальной (во всяком случае — более реальной) появление известных совпадений интересов основной массы рабов и основной массы свободных бедняков и некоторых социальных контактов в процессе стихийных выступлений класса непосредственных производителей как некоего социального единства. В некоторой степени это проявилось, например, в народных движениях поздней Римской империи IV–V вв. и даже в восстании Спартака (т. е. «свободные с полей»).

В аристотелевской концепции это практически исключалось.

Предшествующее изложение стремилось показать разнородность и различные социальные устремления двух различных слоев класса «основных производителей».

Возникает следующий вопрос — проблема. А как определяется, так сказать, лицо эпохи, если подавляющее большинство населения, класс «основных производителей» столь разнороден. Почему мы определяем, например, Римское общество рабовладельческим, средневековое общество в Европе — феодальным, а Новую Европу — капиталистическим обществом.

По моему мнению, общий характер эпохи определяется не столько количественным составом класса основных производителей, в данном случае (лучше назвать непосредственных производителей), а преобладанием структурно образующей социально-экономической, политической и культурно-религиозной ячейкой, которая определяет «лицо» данной эпохи. Такой ячейкой в Древнем Риме была товарная рабовладельческая вилла, в средние века — феодальная крепостническая вотчина, в капиталистическом обществе Европы — фабрика (или в сельской местности — товарная ферма, работающая на рынок). И каждая из этих структурных ячеек обслуживалась определенной частью класса непосредственных производителей, а именно работами в Риме, крепостными (вернее, феодально зависимыми) работниками, наемными рабочими на заводе или ферме.

В то время как другая часть большого класса непосредственных производителей вела иной тип хозяйства и который представлял собой резерв для ведущего типа и в тоже время немалую нишу общества. И конечно, этот дуализм осложнял и сильно деформировал (иногда) общественное развитие, идеологию и культуру.

Следующий важный теоретический вопрос, тесно связанный с предшествующем рассуждением. Опять-таки я позволю себе опираться на древнегреческие и римские материалы.

В Древней Греции товарная рабовладельческая вилла как наиболее передовой тип социально экономических отношений оформилась после греко-персидских войн и определяла «лицо» классической Греции в IV в. до н.э. В период эллинизма, т.е в III–I вв. до н.э. она внедрялась в восточных странах, во вновь основанных эллинистическими правителями греческих колониях-городах полисного типа. Однако несмотря на их относительную многочисленность (а было, видимо, основано около 200-300 полисных структур), они не могли заполнить и преобразовать всю огромную эллинистическую ойкумену. За пределами полисных ячеек на громадных просторах эллинистических государств продолжалось существование чисто

восточных социально-экономических структур, «лицо» которых не определялось исходной ячейкой — товарной рабовладельческой виллой, как это было в классической Греции V–IV вв. до н.э.

Поэтому эллинистическое общество в широком смысле нельзя определить как классическое рабовладельческое общество вроде Греции V–IV вв. до н.э. Природа эллинистического общества отличалась двойственным характером, т. е. сочетанием рабовладельческого типа социальных отношений в городах греческого типа и восточной системы социальных отношений в хоре. Эллинистическое общество было своего рода кентавром, сочетающим особенности классического греческого рабовладения со своеобразным древневосточным полукрепостническим, вернее, тем своеобразным азиатским способом производства, до сих пор так и не объясненным толково современной наукой.

В Древнем Риме товарная рабовладельческая вилла приобрела значение ведущего социально-экономического типа производства и распределения во II в. до н.э. — II в. н.э. Именно в этот период времени римское рабство приобрело наиболее развитые формы, которые стали определять «лицо» всей эпохи, его социально-экономическую структуру как структуру классического рабовладельческого общества. В то время как предшествующий продолжительный период, т. е. VI–III вв. до н.э. не могут определяться как рабовладельческое общество даже с такими неясными определениями, как раннее или позднее рабство. С моей точки зрения, Рим, в широком смысле этого термина, VI–IV вв. был обществом совершенно другого склада, со своей социально-экономической структурой, политико-государственным устройством, специфической культурой и религией к рабовладельческим отношениям имеющим минимальное отношение. То же самое можно сказать и о позднем Риме IV–V вв. н.э. Позднее римское общество было особенным обществом, так сказать, протофеодальным.

Иначе говоря, по моему мнению, следует пересмотреть принятую (по-своему логичную) периодизацию, по которой Рим VI–III вв. до н.э. был раннерабовладельческим обществом, эпоха II в. до н.э. — II в. н.э. времени классическим рабовладельческим обществом, в III в. переживающий общий кризис рабовладельческих структур, а поздняя империя IV–V вв. — как трансформирующая рабовладельческие отношения в структуры раннего средневековья. Я бы предложил называть их протофеодальными.

И еще одна сугубо теоретическая проблема понятия «основной производитель» или «непосредственный производитель». Как правило, под этим понятием подразумевается, как само собой разумеется, низший класс, — бедный, бесправный, подвергаемый жестокой эксплуатации со стороны класса богатых собственников, будь это рабовладелец, землевладелец, финансист или член бюрократического сословия.

Самый главный признак понятия «основной производитель — это тяжелая работа самих производителей на полях, в ремесленных мастерских. Считается, что за вычетом скудного прожиточного минимума весь его прибавочный продукт присваивается богатым собственником непосредственно или опосредовано государством (через налоги), и распределяется кроме государственных нужд, среди членов правящего сословия и всей элиты того или иного общества.

Так сказать, одни работают, получая минимальный прожиточный минимум, другие в принципе потребляют большую часть произведенной основными производителями продукции.

По моему мнению, это ранее широко распространенное теоретическое положение нуждается в пересмотре. На самом деле, прибавочный продукт, производимый и потребляемый в обществе, создается не только рабочим (будь то рабы, крепостные, наемные рабочие), но и другими контингентами. Сошлюсь опять-таки на римский пример эпохи рабовладельческой экономики. Как показывает несложный анализ экономического функционирования, например товарной виллы до 500 югеров с рабским контингентом в 20-40 работников, в Древнем Риме в процессе производства огромную роль играет сам рабовладелец. Он должен купить поместье, определить нужное количество работников и нужной квалификации, изучить особенности почвенного покрова, климата и ландшафта, организовать работу своего рабского коллектива, обработать урожай и реализовать его на рынке. Производство — это не односторонний процесс, это процесс сложного взаимодействия рабочей силы с ее разнообразной организацией, завершающийся получением прибыли. Поэтому в процессе производства взаимодействуют непосредственно и нерасторжимо две стороны: носитель рабочей силы и ее организатор и потребитель. Без этого взаимодействия никакое производство не может существовать. Вот почему, по моему мнению, под понятием «основной производитель» следует понимать не только носителей рабочей силы, но и ее органи-

затора и управляющего ею собственника. Если говорить об античном обществе, то такие организаторы и руководители товарных рабовладельческих хозяйств были, например Ксенофонт, Перикл, Кактон и др. Изучение их произведений показывает, сколько сложного управленческого труда, рискованных экспериментов, направленной предпринимательской деятельности приходилось предпринимать, чтобы хозяйство в целом работало более или менее стабильно на протяжении продолжительного времени.

Конечно, не весь высший класс проводил такую насыщенную организаторскую работу. Другой частью привилегированного класса были люди консервативные, малоинициативные, не связанные с производством. Они жили по старинке, перекладывали бремя руководства и организации производством на тех же рабов или крепостных и по существу были исключены из процесса производства.

Таким образом, можно предполагать, что и в структуре господствующего класса проходило деление на предпринимательский слой, который можно рассматривать как слой основных производителей, и консервативную часть, которая в силу тех или иных причин была отстранена от процесса производства и становилась тормозящей силой общественного развития.

Подводя некоторый итог своих рассуждений о структуре «класс основных производителей», можно констатировать, что он состоял из двух частей как в составе низшего класса, так и высшего класса, например античного общества: одна часть была связана с рождающимся типом наиболее динамичного производства, который в целом определял «лицо» эпохи (в античном обществе тип товарной рабовладельческой виллы). Причем с ним оказались связанными и стали его главными субъектами как в низшем классе, так и в высшем классе предпринимательский, активно-деловой слой правящей элиты.

Напротив, в составе как низшего класса (т. е. общинники, илоты, колонны, бедняки и даже свободные бедняки-крестьяне и др.), так и высшего (латифундисты, колоновладельцы, владельцы общинных структур и др.), которые оказались мало заинтересованы в передовых методах ведения своих хозяйств и ориентировались на традиционный опыт.

Этот сектор производства и общества выступал в качестве консервативной силы общественного развития. А процесс историческо-

го развития каждого конкретного общества определялся результатами исторического противоборства — какая из этих структур и как надолго получит превосходство и лидирующую роль.

Итак, какие новые теоретические нюансы предлагаются в предложенном докладе по сравнению с существующим в литературе.

1. Ранее во многих теоретических построениях в отечественной литературе понятие «основной производитель» понималось как более или менее гомогенное, более или менее однородное классовое состояние. Оно представлялось как основа основ исторического развития любого социального общества. Мой главный вывод: структура класса «основных производителей» делилась на две большие части. Одна часть представляла прогрессивную линию исторического развития, другая часть консервирующую группу, которая тормозила историческое движение и была источником, так сказать, реакционных идей и тенденций. И эти группы класса основных производителей существенно различались, и их цели не пересекались.

2. В структуру понятия «основного производителя» как основного движения исторического прогресса необходимо включить часть господствующего класса, без длительного и постоянного труда которого была невозможна организация общественного производства и исторического прогресса. Ведь ранее, как правило, господствующий класс воспринимался как паразитирующий класс, который лишь присваивал прибавочный продукт, производимый «основным производителем», играя сугубо тормозящую роль в развитии общества, которая преодолевалась через восстания и революции угнетаемого основного производителя.

Реплика

Размышления В.И. Кузицина над понятием «основной производитель» как теоретической проблемой представляются достаточно перспективными. Не отрицая формационной теории К. Маркса, он фактически показывает возможность ее ревизии и совершенствования.

По его мнению, «эллинистическое общество в широком смысле слова нельзя определить как классическое рабовладельческое общество вроде Греции V–IV вв. до н.э.». Оно сочетало в себе рабовладение в городах греческого типа и восточную систему социальных отношений в хоре. «Эллинистическое общество, — пишет он, — сочетало особенности классического греческого рабовладения со своеобразным древневосточным полукрепостническим, вернее, тем своеобразным азиатским способом производства, до сих пор так не объясненным толково современно наукой».

Профессор В.И. Кузицин критически относится и к месту рабовладения в римском обществе, как оно виделось советской охранительной наукой. По его мнению, «VI–III вв. до н.э. не могут определяться как рабовладельческое общество даже с таким неясными определениями, как раннее или позднее рабство... То же самое можно сказать и о позднем Риме IV–V вв. н.э. Позднее римское общество было особенным обществом, так сказать, протофеодальным».

Действительно, автор поднимает проблему, которая давно назрела, но которую в «старые времена» обсуждать было запрещено, т. к. посягать на устои марксизма считалось делом не допустимым. В нынешней ситуации, наоборот, представляется полезным прояснить проблему и независимо от возможных результатов дискуссий, т. к. такая дискуссия способна дать конструктивные результаты вместо аморфных рассуждений о необходимости отвергнуть марксизм.

Еще одна проблема, поднятая В.И. Кузициным она касается понятия «основной производитель» или «непосредственный произво-

дитель». Он пишет: «Прибавочный продукт, производимый и потребляемый в обществе, создается не только рабочим (будь то рабы, крепостные, наемные рабочие), но и другими контингентами... В Древнем Риме в процессе производства огромную роль играет сам рабовладелец. Он должен купить поместье, определить нужное количество работников и нужной квалификации, изучить особенности почвенного покрова, климата и ландшафта, организовать работу своего рабского коллектива, обработать урожай и реализовать его на рынке... Производство — это не односторонний процесс... под понятием «основной производитель» следует понимать не только носителей рабочей силы, но и ее организатора и управляющего ею собственника».

На мой взгляд, такая постановка проблемы влечет за собой необходимость уточнения понятия эксплуатации. Особенно это актуально для промышленного общества и современности. Проблема вряд ли может быть решена только историками. Здесь требуется экономический и правовой анализ создания и распределения прибавочной стоимости. Для К. Маркса было очевидным, что предприниматель грабит рабочего, изымая прибавочную стоимость и выплачивая ему нищенскую зарплату. Если даже согласиться с К. Марксом, то все же встает вопрос: в чем здесь эксплуатация? Ведь труд рабочего на производстве регламентируется договором между рабочим и работодателем. Пусть зарплата не удовлетворяет рабочего, но он соглашается с ее размером при найме работу. То же положение фактически сохранялось и в годы правления коммунистов в условиях провозглашенного ими социализма. Только тогда прибавочная стоимость изымалась не предпринимателем, а государством фактическим собственником средств производства. Оно же осуществляло распределение прибавочной стоимости. Попутно отметим, что советские наемные рабочие, в отличие от рабочих капиталистических стран, не могли влиять на пересмотр договора о размерах зарплаты и прочего посредством забастовок.

Таким образом, с правовой точки зрения, может, правильнее ставить вопрос, что эксплуатация начинается там и тогда, где и когда нарушаются условия договора, что относится и к наемному рабочему, и к работодателю. Рассуждения о бедственном положении рабочего класса с человеческой точки зрения вполне понятны, но они ни экономически, ни юридически не объясняют основ эксплуатации.

Н.И. Смоленский

Реплика

Между вычетом из произведенного продукта в форме зарплаты при капитализме и при социализме нельзя не видеть принципиальной разницы, для понимания которой не требуется ни Смит, ни Маркс, ни современные экономисты-нобелевские лауреаты. Конечно, при любом экономическом строе непосредственный производитель не может получить все (в смысле вознаграждения за труд) — в противном случае производство невозможно, не говоря уже о непроизводственных сферах (государство и т. д.). Железо и хлеб погубили род людской, говорил Руссо. Он имел ввиду то, что с переходом к земледелию и металлическим орудиям труда увеличилась его производительная сила, появились бедные и богатые, возникла частная собственность. Независимо от этой логики мышления следует признать, что вычеты из результатов труда с ростом его производительной силы стали возможными и неизбежными в разных формах в разное время. Что же касается разницы вычетов между капитализмом (прибавочная стоимость) и социализмом, то она огромна, как и очевидна: в первом случае вычеты идут в карман собственника, хотя он может пользоваться ими по-разному (Билл Гейтс), во втором случае вычеты идут государству, т. е. фактически на общую пользу.

Сложился ли цивилизационный подход в отечественной историографии?

Цивилизационный подход в исторических исследованиях не нов. Однако он представляется на сегодняшний день как феномен историографии, т. к. многолетние исследования и интересные концептуальные построения отдельных ученых не снимают вопроса, каково же его место в отечественной историографии и как он повлиял на исторические методы исследований?

Возьмем вузовские учебные программы по истории. Практически все их авторы высказываются за важность изучения истории с точки зрения цивилизационного подхода, однако учебники, написанные на основе этих программ, имеют тот же традиционный вид, что и раньше. Их периодизация основана не на цивилизационных постулатах. К примеру: А. Тойнби делал свои построения на трех ступенях развития общества. Он рассматривал движение внутри цивилизации, которое, по его мнению проходит через три ступени: «возникновение — развитие — угасание».

К. Маркс тоже рассматривал общество в движении и обнаруживал историческое движение человечества в изменении форм собственности и способа производства («социально-экономических формациях»), а развитие обнаруживал не только внутри отдельных обществ (цивилизаций), но и как поступательный процесс от низших форм общества к высшим. Так и нынешние учебники делят историю по формациям.

Хронология программ повлияла и на их содержание: в основе оно осталось прежним, но с добавлением ряда тем, связанных с духовной жизнью и культурой, что на деле означает лишь расширение круга изучаемых вопросов, но ни в коем случае не переосмысление советской охранительной историографии. Складывается впечатление, что у авторов современных учебников не получается написать их на основе цивилизационного подхода. Видимо потому, что рав-

нозначной замены Марксовой теории цивилизационщикам выбрать не удалось. Стремление отвергнуть К. Маркса не увенчалось выработкой каких-либо иных основ исторических исследований, которые были бы признаны научной общественностью.

Сравнительный анализ определений понятия «цивилизация» дает основания заключить, что оно прямо связывается с понятием культура — «синоним культуры», и с этой точки зрения относится, прежде всего, к культурологии. При этом оно имеет «размытые и эклектичные границы», у разных авторов — «разницу критериев», в зависимости от контекста и целей применения, к тому же признаки цивилизации, называемые отдельными исследователями, представляются также часто «туманными, неопределенными».

Если историческую науку рассматривать не как простую сумму и последовательность событий и явлений прошлого (что, где и когда произошло), то исследователю важно выявить системообразующие или системоразрушающие общество факторы. К. Маркс назвал такие факторы. Но его теория основана на материале XIX в. и в значительной мере обращена к реалиям промышленного общества Европы. Не случайно эта теория уже на пороге XX в. была подвергнута ревизии в условиях перехода начального капитализма на новую ступень зрелости. Сегодня тем более учение К. Маркса не может применяться, как оно понималось в XIX в., но выбрасывать Маркса из истории было бы тоже неоправданно. Ведь никто не посягает на заслуги других мыслителей XIX в., с которыми сегодня нельзя согласиться во всем. Для научной мысли свойственна связь поколений, критический анализ достижений прошлого.

Роковой урон марксизму был нанесен сталинским редуционизмом, ограничившим рамки изучения исторического процесса производительными силами и производственными отношениями. Таким образом, критический анализ исторических взглядов К. Маркса невозможен без разбора последующих наслоений на них, без детального изучения их трактовки апологетами марксизма и догматизации отдельных положений в угоду политической конъюнктуры. В результате такого разбора станет ясно, насколько учение Маркса объективно отражает реалии исторического процесса и насколько оно актуально сегодня, наконец, доказательно будет видно, есть ли будущее у марксизма в целом как единого учения, или сегодня приемлемы лишь отдельные его положения.

Принципиальное отличие цивилизационного подхода к историческим исследованиям от методологии К. Маркса в том, что он не выработал системообразующих факторов исторического развития.

Действительно, ведь понимание «цивилизации» как «синонима материальной и духовной культуры следующей за варварством» [БЭС, 2004] мало что дает в гносеологическом плане. То же можно сказать и о заключении Философской энциклопедии — «цивилизация — одна из основных единиц исторического времени, обозначающая длительно существующее, самодостаточное сообщество стран и народов».

Жизнь человека и общества состоит из материальной и духовной сфер деятельности, в совокупности они обеспечивают их естественные потребности. Анализ их взаимосвязи, думается, может дать значительные положительные результаты для современного понимания исторического процесса. Если прочитать К. Маркса внимательно и не предубежденно, то можно заметить, что, изучая общество как стадиональное и развивающееся по спирали образование, он видел в каждой стадии результат материальной и духовной деятельности человека, т. е. оба понятия органически соединяются. При этом формационный подход касается роли экономических основ развития общества в «конечном итоге», а категория «цивилизация», включающая в себя более широкий спектр общественной жизни, в свою очередь, влияет на развитие производственных отношений, является фактическим свидетельством (индикатором) степени зрелости общества в целом. Таким образом, исследование способа производства является составной частью более всеобъемлющего анализа, как и сам способ производства есть одна из сфер жизнедеятельности человечества.

Вполне очевидно, что различные общества по своим цивилизационным характеристикам по-разному реагировали (отвечали) на вызовы (человеческие потребности) и поэтому имели различные результаты, в том числе в своей производственной деятельности. Характер «ответов» в своей совокупности определял особенности их движения в историческом пространстве.

Богатое наследие К. Маркса привлекало внимание в XIX в., оно привлекает внимание во всем мире и поныне. Поэтому можно согласиться с теми учеными, кто не считает нужным выбрасывать К.Маркса из научного оборота.

«Современная критика марксизма, — пишет Ю.К. Плетников, — если она претендует на научность, должна в первую очередь стать очищением марксизма от всех ситуационных выводов и оценок, послемарксовых упрощений и попыток превратить марксистскую теорию в своеобразное вероучение, догматическую схему, под которую подгонялось все многообразие человеческой истории. Но нельзя оставлять без внимания и другое. Развитие марксистской теории требует не только осмысления реалий современного мира, но и критического усвоения объективных результатов немарксистских исследований, их диалектического «снятия» и включения в таком преобразованном и подчиненном виде в теоретическую систему марксизма, ее обогащения новыми идеями и новой проблематикой».

Что касается дискуссии о цивилизационном подходе, то следует заметить, что ее начало приходится на годы антикоммунистической революции в России. И складывается впечатление, что она пришлась кстати тем, кто громил старое государство. Требовался не только политический переворот, но и переворот в общественном сознании, а значит, — в социально-гуманитарных науках и их марксистско-ленинских основах. Участники дискуссии вольно или невольно способствовали этому погрому.

Формационный и цивилизационный подходы в изучении истории: антагонисты или союзники? Историографический аспект

В отечественной историографии минувшего столетия означенная проблема претерпела ряд радикальных метаморфоз, отразивших перемены, происходившие в самом обществе. Смысловой фокус этих метаморфоз составлял отношение к К. Марксу и марксизму. В русской академической культуре это отношение имеет давнюю традицию. С последней четверти XIX в. марксизм становится одним из факторов формирования теоретико-методологических воззрений целого поколения начавших тогда научную деятельность историков.

Важное свидетельство тому содержат воспоминания М.М. Ковалевского. Относя Маркса к числу «умственных и нравственных вождей человечества», «самых крупных выразителей прогрессивных течений», Ковалевский писал о нем как о «дорогом учителе», общение с кем до некоторой степени определило направление его научной деятельности. Влияние Маркса шло в том же направлении, что и требования жизни. Вспоминая, что каждый раз он выносил из встреч с Марксом «новый стимул к научным работам в области истории, экономического и общественного развития Европейского Запада», Ковалевский признавал: «Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы и сосредоточил бы свое внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений, тем более, что такие темы прямо отвечали преподаваемому мной предмету».

Это признание легко поддается обобщению применительно ко всему социально-экономическому направлению в отечественной историографии, снискавшему широкую известность в европейском на-

учном сообществе как «русская историческая школа» (Ф. Энгельс). Заметное влияние марксистских идей обнаруживается в творчестве едва ли не всех крупных исследователей истории Средних веков и раннего Нового времени. Даже П.Г. Виноградов, в трудах которого не встречаются развернутые выражения отношения к Марксу, тем не менее, характеризуя методологические взгляды Ковалевского, писал как о плодотворной, об «общей тенденции исторического материализма, пошедшего от Маркса, заключавшегося в первоочередном изучении «столкновения и взаимодействия экономических сил и интересов».

Знаменательной вехой в усвоении русской наукой отдельных элементов материалистической теории являлась книга Н.И. Кареева [20]. В ней автор обосновывает свою концепцию аграрного развития предреволюционной Франции в значительной степени на Марксовом учении о первоначальном накоплении. Вся суть крестьянского вопроса, писал он, заключалась в «отношениях аграрно-социальных и как постановка его, так и способ решения, обуславливались, с одной стороны, принципом, лежавшим в основе тогдашнего поземельного устройства, а с другой — потребностями, интересами и стремлениями отдельных общественных классов». С этих позиций Кареев критикует своих предшественников во французской историографии за их юридический подход к освещению положения предреволюционного крестьянства. Он прямо противопоставляет юридический и социально-экономический подходы: «История, которая с формально-юридической точки зрения является прогрессом свободы и приобретения крестьянами собственности, с точки зрения социально-экономической получает несколько иной смысл», разъясняя который Кареев указывает на прогрессирующую утрату крестьянской земли, продолжавшуюся вплоть до революции».

Дальнейший рост интереса к учению Маркса, сопряженного с его более глубоким пониманием, продемонстрировало младшее поколение всеобщих историков, вступившее на арену научной деятельности на рубеже XIX-XX вв. Новым было его отличие от других экономических учений. Если И.В. Лучицкий видел в известном тогда английском историке-экономисте Т. Роджерсе родоначальника экономического направления в исторической науке, а М.М. Ковалевский ставил его в один ряд с Марксом, то А.Н. Савин за одной 24-й главой I тома «Капитала» полагал значение гораздо большее, вслед-

ствие его философской и общественной значимости, чем могут дать «десять томов Роджерса».

Понимание марксизма как крупнейшего переворота в науке в наибольшей мере оказалось присуще молодому Д.М. Петрушевскому в опубликованных в последнее десятилетие XIX в. и в начале следующего столетия теоретических работах, пронизанных осознанием кризиса исторической науки. В стремлении преодолеть его Д.М. Петрушевский обращается к материалистической теории исторического процесса, обильно цитируя произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, правда, не называя их имен. Так, вслед за книгой Энгельса «Анти-Дюринг» он пишет: «...Коренных причин социальных перемен и политических переворотов нужно искать не в головах людей, не в более или менее ясном понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменении способов производства и обмена, другими словами, не в философии, а в экономии данной эпохи». В этой же статье Петрушевский пишет, что исторический материализм считает экономическую структуру общества его «реальным базисом», над которым надстроено все остальное содержание общественной жизни». Терминология ученого наводит на мысль, что ему было хорошо известно знаменитое предисловие Маркса к «Критике политической экономии».

Наиболее зрелое понимание марксистской теории исторического процесса Петрушевский демонстрирует в методологическом введении к «Очеркам из истории средневекового общества и государства». В противоположность идеализму, пишет он, «исторический материализм отправляется от изучения вполне реальных фактов хозяйственной и социальной жизни данного общества и этим выдвигает на первый план такие стороны исторического процесса, которые до этого времени не привлекали к себе надлежащего внимания историков, а между тем чрезвычайно важны для уразумения самого существа исторического процесса. В этом крупнейшая заслуга материалистического направления в общественной науке». Особое достижение марксизма Петрушевский видел в его учении об идеях. Он подчеркивал, что исторический материализм поставил изучение идей на подлинно научную основу: «Только выяснив предварительно материальную, так сказать, физиономию общества, его экономическую форму, социальные группы, из которых оно состоит и их взаимные отношения, а также ту политическую форму, которая

соединяет все общественные силы в одно государственное целое, только при этих условиях можно приступить к реальному изучению и пониманию идей и настроений данного общества».

Близких взглядов придерживался другой выдающийся представитель социально-экономического направления, казанский историк В.К. Пискорский. «...Ни одна теория, — писал он, — не оказала таких огромных услуг исторической науке, как учение о том, что не сознание людей определяет их бытие, а, напротив, их общественное бытие определяет их сознание, что во всякую эпоху господствующая форма производства и обмена служит основанием для социального, политического и умственного развития». И заключает: «Именно учение Маркса заставило историков обратиться к изучению общественного развития».

Высокая оценка русскими всеобщими историками марксистской теории исторического процесса не делала их марксистами. Они по своим убеждениям являлись либералами, находившимися на левом фланге разношерстного российского либерализма. Ратуя за совершенствование современного общественно-политического устройства, они полагали, что оно должно быть постепенным, эволюционным, но отнюдь не революционным. Они не принимали главного в марксизме — учения о революции. Маркс-ученый и Маркс-революционер находились для них словно в разных измерениях. Но, признавая это, признаем и другое. В русской историографии всеобщей истории получил широкое распространение формационный подход, с чем были связаны ее выдающиеся достижения.

Он-то и подвергся ожесточенным нападкам в лихие перестроечные и постперестроечные годы, когда советский период с присущей ему системой ценностей часто представлялся грандиозным выбросом инфернальных сил и фактически исключался из «нормального хода» отечественной истории. Столь же категорично из российской автохтонной духовной традиции извергался марксизм. «Прощание с Марксом» (М. Вильчек) означало радикальный отказ от формационного подхода как якобы ненаучного. Ибо, как утверждали в одночасье прозревшие вчерашние «верные ленинцы», марксизм закрыл себе путь в современность. Более того, безапелляционно заявлялось, что «марксизм по существу вывел историю за пределы науки, превратил ее в составную часть партийной пропаганды», а сам кризис отечественной историографии «в главном и основном» объявлялся

следствием кризиса марксизма. Соответственно этому провозглашался вне закона формационный подход, а придерживавшие его историки третировались как консерваторы и ретрограды. Ученым, сохранявшим научный взгляд на историю, было необходимо отстоять значение этого подхода, но с учетом современных социальных и научных реалий.

С этой задачей блестяще справился выдающийся советский историк и организатор науки Иван Дмитриевич Ковальченко. В фокусе его исполненных глубокого внутреннего драматизма поисков новой парадигмы истории являлось обоснование современных требований к ней. В развернутом виде эти поиски отразились в своеобразном научном завещании ученого, его опубликованной незадолго до кончины большой статье, посвященной теоретико-методологическим проблемам исторической науки. Ее интенция — обоснование синтеза формационного и цивилизационного подходов в историческом исследовании. «Нужен, — писал он, — синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них (что сейчас наиболее активно проявляется по отношению к марксизму) и замена их другими».

Размышления И.Д. Ковальченко характеризует актуализация значения духовной стороны жизни общества. Никак не отрицая роль экономической детерминанты, он дополняет ее доминантой социально-психологической, требующей, по его словам, самого пристального внимания историков. Соответственно этому рассматривается дихотомия формационного и цивилизационного подходов как одинаково необходимых в историческом познании. Последний провозглашается ведущим, так как интегрирует в себе другие подходы и методы исторического исследования. Он считает, что на цивилизационном подходе должна основываться обновленная парадигма отечественной истории, предполагающая также использование формационного подхода. В этом отношении И.Д. Ковальченко оставался приверженцем исторического метода К. Маркса, что вызвало раздраженную отповедь его осмелевших в эпоху «освобождения от Маркса» недобросовестных критиков (А.А. Искендеров).

Нет и не может быть единственно верной историко-социологической теории, не существует единого всеобъемлющего подхода к прошлому. Генеральный вектор движения современной истории — теоретический, и в этом урок Ковальченко, образует ее движение от одностороннего монизма к плюрализму. Но методологический

плюрализм не должен быть безбрежным. И в этом тоже урок Ковальченко.

Близкие взгляды на соотношение формационного и цивилизационного подходов прослеживаются в современной зарубежной историографии. Продемонстрирую это на хорошо знакомом мне опыте третьего поколения школы «Анналов», в частности, на примере творчества одного из крупнейших его представителей, Жака Ле Гоффа. Как и другие французские историки-анналисты, он испытал стойкое влияние марксизма, указывая на «небезоосновательность концепции, соединившей способ производства с экономическим укладом и социальными структурами». Он сохранил убеждение в эвристическом потенциале марксизма даже после крушения мировой социалистической системы. Признавая, что «марксистская методология истории, извращенная догматизмом эпохи «реального социализма», рухнет на наших глазах», Ж. Ле Гофф вместе с тем считал желательным, «чтобы Маркс, очищенный от компрометирующих его учение измышлений наследников оставался в числе тех, кто вдохновляет современные исследования в области истории и других наук».

Соотношение формационного и цивилизационного подходов получило развернутое освещение в самой известной книге Ж. Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада», обозначившей возможности цивилизационного подхода в изучении истории западноевропейского средневековья в его сочетании с формационным. Приоритетным, как следует уже из названия книги, является цивилизационный. Средневековая западная цивилизация, и в этом новизна книги, ее пионерный характер, досконально рассматривается «изнутри», в ее основных ментальных характеристиках. Но в изображении автора она имела не только духовное, ментальное, но и материальное, социально-экономическое измерение. Она являлась не только христианской, но и феодальной. Поэтому в изображении средневекового общества Ле Гофф обращается к языку Маркса, рассматривая его экономическую основу и социальную организацию. В его освещении — это антагонистическое общество, «жестокой реальностью которого была борьба классов».

Тема классовой борьбы пронизывает всю книгу. В авторской концепции она выступает закономерным следствием социального протеста угнетенных масс в антагонистическом обществе, где даже

религиозные движения являлись его формой. Ле Гофф указывает на разные формы ее проявления в средневековом городе. Но, подчеркивает он, основанием социальных антагонизмов в средневековом обществе «была социальная напряженность в деревне. Между сеньорами и крестьянами борьба была эндемической, обостряясь порой в виде приступов крайней жестокости». Она принимала разнообразнейшие формы. В их числе была такая экзотическая, как борьба из-за женщин. Подробно рассматривая ее, Ле Гофф заключал: «Женщины находились в центре еще одного конфликта, внешне не столь драматичного. Они были объектом соперничества различных социальных классов. Эти любезные игры полов были осязаемым выражением борьбы классов». При этом, прибегая к своему излюбленному методу, он рассматривает эту борьбу «изнутри». Обращаясь к разнообразным средневековым текстам, от песенки вагантов до различных нарративных произведений, типа «Склонение крестьянское», Ле Гофф подчеркивает, что крестьяне не только эксплуатировались феодальным обществом, но еще и высмеивались с невероятной злобой, уподобляя их диким зверям: крестьянин подобен дикому зверю, он безобразно уродлив, его единственное предназначение — ад. Но особенно болезненно крестьяне воспринимали презрение к ним женщин — как самый болезненный из выпавших на их долю ударов. Вот один из многих приводимых Ле Гоффом выражений такого презрения: «Доченька, хочешь ли крестьянина, черного и гадкого? / Не хочу крестьянина, дорогая матушка».

Здесь мы подходим к вопросу, обсуждение которого позволяет наглядно увидеть преимущества цивилизационной методологии Жака Ле Гоффа, являющейся сплавом формационного и цивилизационного подходов. Такова его трактовка классовой борьбы в средневековом обществе. Он уделяет определенное внимание социально-экономическим реалиям этой борьбы, в частности, достигнутым крестьянами в ходе ее успеха. Но в отличие от традиционного подхода, главный его исследовательский интерес направлен на изучение отражения этой борьбы в средневековом менталитете. Ле Гофф обращается, по собственному выражению, к глубинным пластам народной психологии, раскрывая тем самым глубину социальных антагонизмов в феодальном обществе, переворачивающих души и сердца людей, и вытекающий отсюда размах протестного движения.

Такой сплав двух подходов помогает понять напряженную духовную жизнь средневековых европейцев и их ментальность и, вместе с тем, материальную оснастку западной цивилизации. Это историографическая методология, ориентированная на исследование становления, функционирования и кризиса определенного, в данном случае, феодального общества. Не приводя другие примеры [24], подчеркну главное. В современной исторической науке формационный и цивилизационный подходы выступают не антагонистами, а союзниками, решая общую задачу. Наши дальнейшие усилия должны сосредоточиваться на детальном изучении самого механизма взаимодействия этих подходов.

Реплика

Полезно обозреть формулировки, употреблявшиеся различными учеными. Но формулировки скрывают, загушевают собственно взгляды, их содержание. Что, собственно говоря, противопоставляется в различных формулировках:

— эконоцентризм (экономический детерминизм) — и культу-роцентризм?

— или же стадильность мирового исторического процесса (динамичность общества) — и отрицание стадильности (статичность общества)?

Что такое «формационный подход»? Это подразделение всего хода истории на пять формаций, определяемых способом производства? Тогда это марксизм, и тогда такой подход несовместим с цивилизационным.

Или это разновидность стадильного подхода к истории, признание этапов древности, средних веков и капитализма? Тогда это не марксизм, а Сен-Симон (и многие другие). Признание классовой борьбы — это тоже еще не марксизм. Сам Маркс так оценивал новаторство своей теории: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [34, 427].

Зачем нужен стадильный подход, мне ясно. Он организует исторический материал, позволяет увидеть закономерности (позволяет — это не значит гарантирует). А зачем нужен цивилизационный подход, мне не ясно. До сих пор нет внятного ответа — в чем он заключается? Какова его методика? Критерии выделения цивилизаций? И что он даст на выходе? Как он поможет понять исторический процесс?

К вопросу об азиатском способе производства: социоисторические аспекты

Сегодня спор о том, какой подход в исторических исследованиях — формационный или цивилизационный — является более перспективным и эффективным, решён самой жизнью. Очевидно, что попытка полностью отказаться от использования стадийно-формационного подхода, заменив его цивилизационным, оказалась несостоятельной. Наиболее продуктивным является использование комбинированного подхода, учитывающего позитивные стороны двух методов.

Возникновение теории общественно-экономических формаций предоставило инструмент для изучения исторического процесса качественных изменений, происходящих в обществе в едином поле исторического развития, с точки зрения возникновения и смены основного способа производства. Однако при этом за границами исследования оставались такие существенные аспекты жизнедеятельности социума, как специфика материальной и духовной культуры; вне поля зрения оказывались роль и значение традиции, моральные и нравственные ценности, влияние на развитие этнических процессов. Следует отметить, что заслуги К. Маркса чрезвычайно велики. Многие положения из социологии К. Маркса вошли в мировую классическую социологию. Это вынуждены признавать даже его непримиримые оппоненты. Известный экономист Дж. Гелбрейт (1908-2006), проживший 97 лет и ставший свидетелем эволюции капитализма в XX в., отмечал: «Мы сильно недооценим его историческое влияние, если не увидим, что по многим вопросам сегодняшнего мышления и способу их выражения Маркс обладал наибольшим авторитетом и самой большой силой воздействия» [12, 131]. Его анализ капитализма сохранил своё значение и поныне. Эволюция и изменения в развитии капитализма произош-

ли во многом благодаря критике Маркса. Однако капиталистическая система не потерпела фиаско, в том числе ввиду недооценивавшихся Марксом факторов — развития институтов права и политической демократии (неэкономических факторов, выпадающих из концепции экономического детерминизма, позволивших смягчить классовый антагонизм). К. Маркс недооценивал роль традиций, характеризуя их как мертвящий груз. Особенно значительна их роль на Востоке, где они придают многим социально-экономическим и политическим институтам устойчивость и стабильность. Роль этноконфессионального фактора также оказывается значительно выше, чем предупреждал Маркс. При этом современное востоковедение должно быть признательно Марксу за то, что он был последовательным противником европоцентристских схем и обращал внимание на их неприменимость в деле изучения стран Востока.

Взаимодействие формационного и цивилизационного подходов особенно ярко проявляется при изучении Востока. Прошедшее десятилетие продемонстрировало регресс ориенталистской социологии. Многие современные востоковеды проходят через теоретический откат от концепции многоукладности, социального синтеза, разработанных в 70-80-е годы прошлого столетия, к взглядам и оценкам Востока в трудах европейских мыслителей нового времени. В оборот активно возвращаются понятия «восточного деспотизма» и общества, основанного на отсутствии частной собственности (азиатского способа производства), в востоковедение, как это ни парадоксально звучит, активно внедряется самодовольный европоцентризм, переносающий западную систему координат на Восток. А коли так, восточным обществам отказано в самобытности. Основой однолинейной схемы прогресса становится развитие, направленное на либеральную демократию капиталистического общества.

В рамках такого подхода восточные общества выглядят как ущербные и отсталые, в которых не построено гражданское общество. Но его не было, нет и не будет на Востоке. Доминантой является локальный солидаризм и коллективное начало. Индивид от рождения до смерти встроен в корпоративные отношения. В политической культуре существуют стереотипные представления о сильной, авторитарной власти харизматической личности. Веками власть представлялась наделённой сакральными чертами. В массовом сознании не было и мыслей о замене правителя выборными

путём. Уважение заслуживала сильная власть. Отсутствие частной собственности на Востоке ведёт к тотальной эксплуатации, подавлению личности. Таковы хрестоматийные подходы. Однако при детальном рассмотрении вопросов оказывается значительно больше, нежели ответов.

Создателями теории «азиатского способа производства» являются К. Маркс и Ф. Энгельс. Однако констатация этого несомненного факта не только не достаточна, но и ведёт к искажению реальной картины.

Первые попытки обобщения и осмысления накопленных в ходе установившихся связей Запада с Индией и Китаем фактов, касающихся специфики социально-экономического строя стран Востока, относятся к XVII в. Томас Роу — английский посол при дворе Великих Моголов прозорливо подметил, что в Индии нет иной земельной собственности кроме собственности правления, а император — наследник всех подданных [53, 91]. В связи с этим наблюдением индийский историк С. Мухерджи, не без основания, считает Т. Роу основоположником всей теории восточного деспотизма [56, 9]. Высказывания английского дипломата долгое время незаслуженно оставались без должного внимания.

Обстоятельная и всесторонняя разработка этой проблематики была осуществлена в книге Ф. Бернье «История последних политических потрясений в государстве Великого Могола», увидевшей свет в 1670 г. В теоретическом плане на Бернье оказал значительное влияние труд Гоббса «Левиафан». Образ государства-чудовища, в котором нет законов, регулирующих общественную жизнь, отражал и впечатления Бернье от путешествия на Восток, в Индию ко двору падишаха Аурангзеба.

Спецификой стран Востока, по мнению Ф. Бернье, отличающей общественный строй азиатских государств, является то, что там вся земля является собственностью государства, точнее, монарха [4, 297]. Бернье понял эту особенность как отсутствие частной собственности на землю. В этом он увидел ключ к объяснению политического строя в Индии.

В дальнейшем к подобной оценке социально-экономического строя Востока пришли английские исследователи. В 1772 г. появилась работа лейтенант-полковника, служившего в Ост-Индской компании, Александра Доу «История Индостана», а в 1790 г. — Джейм-

са Гранта «Исследование природы заминдарского землевладения в земельной собственности Бенгалии». Оба автора пришли к выводу: Индия до прихода британцев не знала частной собственности [39, 96]. В конце XVIII — начале XIX вв. возникла концепция земельной собственности братьев Чарлза и Роберта Паттонов. Особенно интересны взгляды Р. Паттона, который отмечает, что собственность на землю принадлежит правителю на всем пространстве Азии. Как исследователь Р. Паттон продвинулся дальше Ф. Бернье. Он отметил двоякое существование земельной собственности в Индостане: «абсолютной, существующей у государя и владельческой, которая будучи по существу подлинной собственностью является при этом всегда подчиненной и зависящей от человека, который является абсолютным собственником того же самого объекта» [57, 135].

Эти взгляды были восприняты А. Смитом, Дж. Миллем и другими политэкономами. Открытие индийской общины Томасом Монро ещё более продвинуло западных исследователей к пониманию проблем стран Востока. В работе Т. Раффлза «История Явы» на яванское общество распространялись выработанные на индийском примере тезисы: отсутствие частной собственности и наличие замкнутой общины. Согласно наблюдениям Раффлза, верховная земельная собственность яванского правителя более очевидна, чем в Индии Великих Моголов. Весьма примечательно утверждение Дж. Милля, который, отрицая наличие частной собственности на землю в Индии, Египте, Ираке, Турции и Китае, распространял тот же вывод на Древнюю Британию и Уэльс, где король тоже имел исключительное право земельной собственности. Подобное утверждение ставило под сомнение концепцию восточной исключительности.

Г. Гегель видел специфику восточного мира в наличии там государственной собственности на землю. В этом основная причина царящего там деспотизма. Люди на Востоке, согласно Гегелю, «рабы, исключая верховного правителя-деспота. Но его свобода есть произвол» [11, 124, 131]. Разработанная Гегелем глобально-стадиальная концепция исторического развития стала важнейшим этапом в домарковском познании закономерностей социально-экономического развития.

Р. Джонс впервые осуществил экономический анализ способа производства, впоследствии названного азиатским, в работах 30-60-х гг. XIX в. Он установил, что в различные эпохи обще-

ственный продукт формировался и распределялся по-разному. Джонс ввел понятие особых форм общественного производства, используя дефиниции «способ производства и распределения», «способ производства», «способ распределения», понимаемые как система экономических отношений, которая определяет все социальные связи и духовную жизнь общества. Отсюда и объяснение существования различных форм общества. Р. Джонс впервые обозначил проблему экономического детерминизма.

Изучая формы ренты, он обратился к ренте райятов. «В Азии монархи всегда обладали исключительным правом собственности на землю... Народ там повсеместно являлся арендатором земли и правителя, единственного землевладельца... Именно эта всеобщая зависимость от трона в средствах существования и являлась действительной основой несломленного деспотизма на Востоке» [13, 29]. В таких условиях отсутствует социальная сила, ограничивающая власть монарха. Подобным обществом свойственно стремление к перманентному росту земельной ренты. Производительная способность райятов разрушается в условиях роста ренты при неизменном характере производства. В конечном счете, это приводит государство к упадку и гибели. По мнению Джонса, подобные отношения ранее существовали и в Западной Европе.

Таким образом, Р. Джонс сумел значительно продвинуться в понимании законов развития общества. Социально-экономические отношения являются источником и основой развития общества. Но ответов на вопросы, чем определяются социально-экономические отношения и почему одна социально-экономическая система сменяется другой, он дать не сумел. Это произошло на следующем этапе развития унитарно-стадиального понимания истории, осуществлённого К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Экономический детерминизм Маркса лежит в основе материалистического понимания истории. Способ производства (совокупность производительных сил и производственных отношений) материальной жизни обуславливает социальные, политические и духовные процессы. Не сознание людей определяет их общественное бытие, а, напротив, бытие определяет сознание. Способ производства лежит в основе общественно-экономической формации, которая является определённым этапом исторического развития. К.

Маркс выделял четыре способа производства или экономического строя: азиатский, античный, феодальный, буржуазный [29, 7]. Финалом исторического развития является коммунистический, завершающий предысторию и открывающий начало подлинной истории. Предыстория начиналась с «первичной» архаичной формации, т. е. первобытности, основанной на коллективной собственности общины и кровнородственных связях. Здесь Марксу неocenимую услугу оказал Л.Г. Морган и его концепция родового строя.

Затем следовали общества, основанные на частной собственности, т. е. «вторичной» формации: античность, феодализм и буржуазное общество. Из всей логично построенной схемы выпадал азиатский способ производства, поскольку он характеризовался сочетанием наличия общины, государственной собственности, полной зависимости индивида от верховной власти. Впоследствии это было признано основой формирования «восточного деспотизма». По этой причине АСПЗ вызывал многочисленные дискуссии и споры. Однако все дискуссии 20 — 30-х гг., 50 — 60-х гг. XX в. ничего не дали, так как не представлялось возможным представить аргументы в пользу того, что АСП — это переходный период от первобытно-общинного строя к рабовладельческому, либо от рабовладельческого к феодальному, либо смешанной формацией.

Обращаясь к первоисточнику, мы видим, что в работах 50-70-х гг. XIX в. К. Маркс базируется на сформировавшихся в европейском знании представлениях о социально-экономическом строе Востока, принципиально отличных от Запада. В азиатских обществах Маркс искал признаки, сходные с другими древними обществами. Особенно пристальное внимание он уделял поиску и исследованию остаточных форм первобытнообщинных отношений, что служило подтверждением гипотезы о преходящем характере частной собственности. К. Маркс скрупулёзно изучил фундаментальный труд Ф. Бернье. Им было сделано двадцать подробных выписок, составляющих подробный конспект.

К. Маркс разыскал в работе Бернье «настоящий ключ к восточному небу» [37, 482]. Это отсутствие частной собственности на землю. Ф. Энгельс поддержал это замечание Маркса. Объяснение причин, почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, он находит в характере почвы и засушливом климате, повто-

³ Здесь и далее: АСП — азиатский способ производства.

ряя положения, высказанные задолго до этого Ш. Монтескье. Отсюда и особая роль общественных работ, прежде всего ирригационных, имеющих в условиях засушливого климата пустынных территорий основное значение. Насильственное объединение и сплочение в общины для осуществления работ и приводит к гиперцентрализации власти деспота. Помимо трудов Бернье К.Маркс детально проштудировал работы Т.С. Раффлза, Дж. Кемпбелла, М.М. Ковалевского, М. Уилкса. Взгляды последнего выпадали из общей канвы умозаключений. В книге М. Уилкса отмечалось, что в большинстве случаев земельные наделы в Индии являются частным владением отдельных семей. Уилкс сумел увидеть специфику индийского общества в том, что автономная сельская община являлась основой социально-экономической системы. Он, ссылаясь на доклад Манро, писал: «Жители... нисколько не беспокоились по поводу гибели и раздела целых монархий; пока их село оставалось целым, их мало интересовало, в чьи руки попадёт власть» [59, 127]. По поводу социальной структуры индийского общества известный современный востоковед Л.С. Васильев справедливо отмечает, что если бы в какой-то момент государство в Индии исчезло, то этого просто никто бы не заметил [8, 4-13].

В 40-70-е гг. XIX в. состоялась трансформация представлений о докапиталистических обществах в связи с накоплением и обработкой новых данных. Произошло открытие общинного строя в России, Пруссии и др. европейских странах. Мысли об общинном устройстве в России были высказаны славянофилами И.В. Киреевым, А.С. Хомяковым и Ю.Ф. Самариним. Детальное описание российской сельской общины было осуществлено вестфальским агрономом А. Гакстаузенем в капитальном труде, написанным увлекательным и доступным языком [10, 19].

За работой Гакстаузена последовала книга Г.Л. Маурера, который произвёл настоящую революцию в науке, проследив историю общины от древних германцев до сохранения общинных пережитков в Германии XIX в. [38]. Английский историк и юрист Г.С. Мэн, выступая последователем Маурера, проанализировав значительный объём данных, пришёл к выводу о наличии общины у всех народов индоевропейской языковой семьи [55].

Таким образом, открытие следом за Индией сельской замкнутой общины в России и Германии нарушало концепцию специфического

азиатского способа производства, ведущего к политическому феномену «восточного деспотизма». Община, в свете новых данных, становилась универсальным и повсеместным явлением.

В своих работах Маркс четко не сформулировал гипотезу АСП. Возможно, он полагал, что в литературе вопрос недостаточно ясен. Выдвигая в 1853 г. гипотезу АСП, Маркс опирался в качестве теоретического фундамента на концепцию Г. Гегеля, представления английской политэкономии, труды Ф. Бернье, Т. Раффлза, М. Уилкса и Р. Патона.

Базовыми положениями, на которые опиралась его гипотеза, стали: исключительность и примитивность Востока, азиатское общество — предтеча античности, восточный деспотизм, сельская замкнутая община, роль ирригационных систем как фактора мобилизации масс на общественные работы, отсутствие частной собственности на землю. На 1853 год гипотеза АСП не было детально разработана и оформлена. В работе «Британское владычество в Индии» Маркс отмечал, что индийские «идиллические, сельские общины..., всегда были прочной основой восточного деспотизма» [34, 135]. В 1857-1859 гг. Маркс в предисловии к «К критике политической экономии» впервые осуществил формулировку «АСП». Маркс прямо утверждает, что «...азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [34, 215, 221]. Однако содержание дефиниции и здесь не было раскрыто. Маркса интересовал не азиатский строй как таковой, а общие закономерности смены общественно-экономических формаций. В трактовке термина АСП исследователи опираются на труд Маркса «Формы, предшествующего капиталистическому производству» [37, 485]. До 1929 года эта рукопись Маркса не была известна. В ходе дискуссии, разгоревшейся после выхода работы, ученые раскололись на два лагеря. Одни считают статью Маркса обоснованием теории АСП, другие — решающим опровержением. Каким образом из одной работы делаются столь взаимоисключающие выводы?

Вплоть до сегодняшнего дня не приведено веских доказательств против того, что Маркс выделял АСП как особую общественно-экономическую формацию. В «Формах» не упоминаются ирригационные работы как неперемный атрибут АСП. С 1858 г. этот важный элемент гипотезы перестаёт упоминаться, поскольку АСП класси-

фицируется теперь как общая, закономерная стадия перехода человечества от первобытнообщинного строя к классовому обществу. К 1859 г. Маркс и Энгельс выдвигает тезисы, сближающие Восток и Запад. Рабство и общинная собственность наблюдаются и на Востоке, и на Западе. Спецификой Востока остаётся отсутствие частной собственности на землю.

В итоге гипотеза АСП сменяется на концепцию первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального строя на Востоке, хотя характеристика отдельных аспектов АСП встречается и в последующих работах — в «Капитале», «Анти-Дюринге». По прошествии времени взгляды Маркса трансформировались, и в более поздний период в 1870-1880 гг. он перестал упоминать АСП в своих работах. Отказался ли Маркс от понятия особой азиатской формации? Если да, то почему?

Карл Виттфогель выдвигает свою версию резкого отказа Маркса от упомянутого термина. Во всех работах Маркс и Энгельс исходили из основного постулата о том, что основой эксплуатации человека является частная собственность на средства производства в целом, а в странах с господством аграрных отношений — частная собственность на землю. Отсюда логически вытекало, что в социумах, где не существовало частной собственности на средства производства, не могло быть и эксплуатации человека человеком, классов. Это — модель коммунистического общества. Однако Восток демонстрировал вопиющее противоречие в стройной концепции Маркса, разрывая логику рассуждений. При отсутствии частной собственности на Востоке наличествовали и классовая структура, и эксплуатация. Более того, АСП служил на Востоке цементирующим началом, фундаментом властного деспотизма. Это неизбежно и открыто свидетельствовало о неизбежности политического деспотизма и при социализме. По мнению Виттфогеля, Маркса и Энгельса обуюл страх перед конечными выводами их гипотезы [60, 137]. В «Набросках ответа на письмо В.И. Засулич» Маркс, казалось бы, закрепил отказ от гипотезы АСП. Он выдвинул тезис о первобытнообщинном строе, называя его «архаической формацией, которая предшествует античной [32, 354]. Может быть, Маркс стал рассматривать АСП как параллельный античному. Поскольку государство при первобытнообщинном строе существовать не может, то исчезает сама основа представлений об азиатском строе. Весьма примечательно замечание Энгельса

о специфике древнего общинного коммунизма на территории Индонезии. В нем переплетаются элементы серьезных противоречий в теории. Он пишет: «...голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали производство на государственных началах... Это доказательство того, что первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии и в России, образует великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма» [52, 43]. Общественный строй доколониального периода в Азии Энгельс называет «древний общинный коммунизм». Эта дефиниция должна была исключить понятие азиатской деспотии. Весьма странно, что Энгельс забывает о развитых феодальных отношениях государств средневековой Индонезии — Матарам и Маджапахит, наличии мощного бюрократического аппарата, а стало быть, и государства в Индонезии в доколониальный период. Пытаясь отстраниться от представлений об азиатском способе производства, Энгельс приходит к ещё более парадоксальной констатации факта того, что первобытный коммунизм — база для построения деспотического общества. Финалом теоретических построений Маркса и Энгельса стал выход работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Было создано учение об общественно-экономических формациях, приводящее к выводу о неизвечном характере частной собственности на средства производства и о господстве в прошлом и будущем общественной собственности на средства производства. В этих теоретических построениях азиатскому способу производства не было места.

В конце 20-х гг. XX в. актуализировалось обсуждение проблемы общественного строя стран Востока на фоне развивающихся событий в Китае. В 1925 г. Д.Б. Рязанов напомнил научной общественности о марксовской концепции АСП. В 1927-78 гг. к нему присоединились Л.И. Мадьяр и ряд других ученых-историков. К 1929 г. дискуссия о социальном строе современного Китая вылилась в методологическую дискуссию по проблемам всеобщей истории.

Вторая волна обсуждения проблемы азиатского способа производства приходится на конец 50-х–60-х гг. XX в. Не вдаваясь в детали, следует отметить, что обе дискуссии ничего в методологическом плане не дали и не прояснили. Буферным и связующим звеном между двумя дискуссиями стали работы К. Виттфогеля, наделавшие немало шума.

К.А. Виттфогель в начале 20-х гг. был начинающим и подающим надежды китаеведом, приверженцем марксизма, несколько позже увлёкся трудами М. Вебера, основные выводы которого он попытался соединить с марксизмом. Идеи Вебера стали для Виттфогеля интеллектуальными ориентирами и подсказали ему наличие и существование на Востоке в доколониальное время «специфического общества» — по своему характеру не рабовладельческого, не феодального и не буржуазного. Отличительной чертой такого социума было наличие государства — деспотии, опирающегося на класс бюрократии.

В первой половине 20-х гг. Виттфогель широко использует определение Маркса азиатского способа производства, давая ему свою трактовку. Всемирно-историческое развитие, согласно концепции К. Виттфогеля, выглядит следующим образом. Человечество прошло сначала через первобытнообщинный, а потом — через феодальный строй. Далее Запад двинулся по пути рабовладения и античности, а Восток пришёл к власти бюрократии, базирующейся на азиатском способе производства, доминантой которого является отсутствие частной собственности на средства производства. Восточный вариант развития является тупиковым, поскольку не может самостоятельным, эволюционным путём перейти к капитализму при отсутствии свободной рабочей силы. К собственно азиатским Виттфогель присоединяет доколумбову Америку и царскую Россию, азиатский деспотичный характер которых обусловлен внешним фактором, к примеру, столетиями монгольского завоевания на Руси. Виттфогель четко указывал на наличие в России генеральных признаков «восточной деспотии» — сельской крестьянской общины и власти бюрократии. Географический детерминизм Виттфогеля выразился в его концепции гидравлического общества, ставшей развитием его теоретических построений.

В 1957 г. в свет вышел фундаментальный труд К. Виттфогеля «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти», посвященный генезису и эволюции социумов и государств с усложненной социальной структурой. К восточным деспотиям в этой работе, помимо уже названных, были причислены и страны социалистического лагеря, и государственный сектор в странах Азии, Африки и Латинской Америки [60, 160]. При всем редуccionизме концепции (попытки объяснить всю мозаику и палитру социальной

действительности посредством одного фактора — географического детерминизма), идеи Виттфогеля — исследователя, обладавшего феноменальной эрудицией, фундаментальными познаниями в области социологии, привлекавшего для своих умозаключений колоссальный объём фактического материала, несмотря на то, что основные положения его концепции не нашли практического подтверждения, — всколыхнули научную дискуссию по вопросу азиатского способа производства и поставили научную общественность перед необходимостью создания фундаментальных теоретических трудов в сфере востоковедения.

Безусловно, Маркс не был профессиональным востоковедом. Его знания о Востоке базировались на умозаключениях, изложенных в трудах европейских ученых — Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Д. Милла, Ф. Бернье, Г. Гегеля, — свойственных научному знанию Запада с XIV в. Однако «вторичность» полученных им фактов и выводов не помешала ему прийти к абсолютно верному пониманию природы государства на Востоке, где альтернативой частнособственнических отношений выступало деспотическое государство, распределяющее социальные и экономические преференции. Искажение марксистских взглядов произошло позднее в рамках вульгаризированной схемы исторического материализма, который примитивизировал, а порой и исказил до неузнаваемости подходы Маркса.

Вторым ключом к пониманию природы и специфики восточных обществ является, по нашему мнению, концепция восточного феодализма, выдвинутая известным ученым востоковедом, крупным индологом Л.Б. Алаевым. Он полагает, что восточный феодализм был более системным, чем западный. Поэтому генезис капитализма на Востоке был затруднен, а практически, в отпущенное историческое время, невозможен. Восточные общества были более системны, с точки зрения феодальной модели. Натуральность хозяйства, кастово организованное ремесло, более органичная встроенность города в феодальные отношения, поддержание существования на определённом уровне, общность интересов, всеобщая связанность, проявляющаяся во всеобщей службе государству, личная взаимозависимость — все эти черты цементировали восточный феодализм, делая его устойчивой моделью, не нуждающейся в трансформации [1, 218].

К. Маркс, основываясь на прогрессивном историческом развитии, заложенном в движении от одной, менее развитой, к другой,

более прогрессивной и передовой формации, естественным образом объявлял капитализм, при всей критике его недостатков, более прогрессивным строем по отношению к феодализму, поскольку тот способствовал уменьшению деспотизма и давления на личность. В соответствии с подобными оценками капитализм (Запад, центр) и порождённая им система западных демократических ценностей, становятся политическим идеалом. Возникает своеобразная оценочная шкала соответствия и несоответствия заданному стандарту, лишаящая цивилизации их социокультурной идентичности и специфики. Таким образом, мировой политический процесс становится движением к достижению политического идеала, то есть модернизацией восточных обществ в соответствии с американским и западноевропейским стандартами. Такое мировидение представлено известным социологом Самуэлем Хантингтоном в его монографии «Третья волна. Демократизация в конце XX века» [54]. Если демократическая модель Запада — стандарт, то тогда все политические системы мира примитивно делятся на соответствующие ему и ущербные, отстающие, нуждающиеся в модернизации. Значит, необходимо «обучить отстающие в развитии общества демократии». Особенно активизировался экспорт демократических ценностей, демократический транзит после событий 11 сентября 2001г. в США.

Впервые понятие «деспотизм» (деспотическая монархия) или тирания было вычленено Аристотелем. Идея о деспотической форме власти отождествлялась, прежде всего, с Востоком. Ренессанс аристотелевских трудов, возвращённых с Востока в период крестовых походов, привёл к распространению понятия «деспотия» как формы правления, заслуживающей порицания. Хотя сама западноевропейская история средневековья изобилвала примерами деспотического правления. В новое время Монтескье, Гегель, Смит сформировали образ Востока, противопоставленного Западу, и в таком прочтении включили его в телеологическое видение исторического процесса. В результате полиэтнические восточные государства были противопоставлены монархическим суверенным европейским государствам, восточный деспотизм — европейским политическим и правовым системам, восточные методы кочевого и сельскохозяйственного производства — городской и торговой жизни европейцев. В рамках вестернизированного подхода Восток находился в начальной точке развития мировой истории. Гегель полагал, что история движется с

Востока на Запад. Следовательно, Европа являет собой финал, конец истории, а Восток — её начало. «Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны», — отмечал он. По его утверждению, первой формой политического устройства в истории был деспотизм, второй — демократия и аристократия, третьей — монархия [11, 156-163].

Базируясь на этих теоретических построениях, а также на определении Марксом азиатского способа производства, интерпретированного в довольно упрощённом виде, сформировалось мировидение, которое объявляло либеральный капитализм и европейское государство-нацию передовым этапом всемирной истории, центром. Восток объявлялся периферийным, отсталым. Возникла дихотомия Востока и Запада, при которой и политическое устройство, и экономическая система восточных обществ противопоставлялись западным. Востоку отводилась роль буфера, переходной стадии между доисторическим и историческим уровнем, между доиндустриальным и индустриальным обществом.

Итак, К. Маркс оперировал термины АСП, поскольку в то время существование такого специфического строя было выявлено только в Индии и Китае. Как показали дальнейшие исследования учёных, придерживающихся унитарно-стадиального подхода исторического развития, через эту особую формацию прошли многие социумы не только в Азии. В связи с анализом новых данных современные исследователи осуществили развитие концепции Маркса об АСП. Л.С. Васильев придерживается концепции «власть — собственность, опирающийся на государственный способ производства» [8, 158]. А.Т. Дробан выступает за термин «государственно-общинный строй»⁴.

Наиболее перспективной и теоретически обоснованной является концепция Ю.И. Семёнова об азиатском (политарном) способе производства, базирующаяся на разделении в политарных обществах верховной и персональной частной собственности. По его мнению, в основе АСП лежала частная собственность, но в особой, непривычной для европейских исследователей форме. Группой, владеющей средствами производства, может являться класс эксплуататоров в целом. В этом случае средствами производства (и работниками-

⁴ [ru.enc.tfode.com/Азиатский_способ_производства]

общинниками) «владеют все члены господствующего класса вместе взятые. Но ни один из них, взятый в отдельности. Это общеклассовая частная собственность», приобретающая форму государственной собственности. По мнению Ю.И. Семёнова, «именно такая форма частной собственности и лежала в основе» азиатского способа производства» [45, 49-60].

Однако ни одна из этих концепции не стала в современной науке общепринятой.

Нельзя не согласиться с Б.Г. Могильницким в том, что методологическая проблема формационного и цивилизационного подхода в истории является прямым отражением социально-экономических изменений, происходивших в обществе. Объективная роль марксизма как учения, осуществившего переворот не только в научной, но и в мировоззренческой сферах, о котором пишет Могильницкий, также не подлежит сомнению. При этом следует разделять Маркса-ученого, работавшего в тиши лондонских библиотек, и непримиримого к оппонентам Маркса-революционера. Б.Г. Могильницкий, справедливо критикуя оголтелое неприятие марксизма в обстановке критических настроений 90-х г. XX в. в российской исторической науке, выдвигает на методологическую авансцену взвешенный подход И.Д. Ковальченко, опирающийся на синтез идей и методов. Экономический детерминизм К. Маркса должен сочетаться с социально-ментальным подходом, присущим цивилизационным исследованиям. Иллюстрацией соотношения формационного и цивилизационного подходов является монография известного французского историка Ж. Ле Гоффа «Цивилизации средневекового Запада», которая является по существу методологическим сплавом двух подходов. Будущее исторической науки — в соединении и развитии двух методологических подходов с приоритетным использованием одного из них, в зависимости от конкретно исследуемой проблемы и поставленной научной задачи.

К вопросу об азиатском способе производства

Во-первых, нам пора излечиться от марксистской интоксикации. Это трудно, потому что бывшие советские обществоведы, в том числе и я, пропитаны марксизмом до мозга костей. Скажем, даже Л.С. Васильев, яркий и откровенный антимарксист, отрицающий все постулаты марксизма, сам не замечает, насколько он продолжает находиться в его тенетах [3]. Но до каких пор мы будем руководствоваться теорией XIX в., научным образом не сформулированной, предсказания которой оказались неверными!?

Начать с того, что не определены базовые категории теории. Нет четкого понимания того, что такое производительные силы, потому что в работах Маркса можно встретить разные их определения. В советской историко-философской науке шла бесперспективная, ничем не закончившаяся дискуссия по поводу того, каков основной элемент производительных сил [21; 41; 44]. Наиболее «философичные» ее участники (М.Я. Ковальзон, В.Г. Маравхов) предлагали иезуитскую формулу: орудия труда являются «ведущим элементом» производительных сил, а человек — «главным элементом. Нет ясности и в определении «производственных отношений». Как известно, Маркс иногда включал в это понятие и отношения обмена и потребления, что размывает данное словосочетание до потери им функции аналитической категории. Постсоветские ученые фактически пользуются определениями производственных отношений, производительных сил и способа производства, предложенных И.В. Сталиным, которые, несмотря на всю свою железобетонность, оставляют массу вопросов.

Нельзя также сейчас утверждать, что «его (т. е. Маркса) анализ капитализма сохранил своё значение и поныне». Его знания капитализма были основаны на материале начальных этапов этой системы

и сводились к экстраполированию процессов, шедших в его время. Так, он исходил из презумпции, что процесс концентрации производства приведет к исчезновению мелкого бизнеса, что происходит относительно обнищание рабочего класса, что классовые отношения будут обостряться, что необходима пролетарская революция. Однако капитализм пошел по иному пути. Мелкий бизнес процветает и продолжает служить широким базисом всей экономики; положение рабочего класса улучшилось настолько, что он в развитых странах является по существу одним из господствующих классов; социализм, как оказалось, можно построить только мирным путем. Маркс в своей теории капитализма не учел маленького фактора, а именно, что в погоне за прибылью капиталистам нужен рынок сбыта своих товаров, а для этого нужен платежеспособный спрос, а для этого необходимо улучшать материальное положение широких народных масс, включая рабочий класс, который сейчас уже никак нельзя назвать «пролетариатом», «не имеющим ничего кроме своих цепей».

Все основные выводы марксизма оказались неверными. От марксизма осталось то, что марксизмом в точном смысле слова не является: концепция единства человечества и единства всемирно-исторического процесса; представление о том, что этот процесс подчиняется неким закономерностям; что человечество на своем пути проходит несколько этапов, стадий. Кстати, не следует объединять стадийный и формационный подход. Формационный подход — лишь один из вариантов выделения стадий.

Сам Маркс очень четко осознавал свой вклад в науку: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [34, 427]. Так что В.И. Ленин был прав, когда утверждал, что только «тот марксист, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата» [23, 34]. А отсюда вытекает, что те ученые, которые в какой-то мере сохранили марксистский подход к истории, а именно приверженность экономическому детерминизму и понятию формации, на этом основании еще не могут считаться марксистами.

Те, кто испытывает тоску по прежнему марксистскому беспределу, нередко ссылаются на то, что марксизм моден на Западе, что там его высоко ценят и т. п. Надо сказать, что меня такие аргументы оскорбляют. Что может знать о марксизме какой-нибудь Гэлбрейт? Он что, учил марксизм пять лет в университете, а потом еще три года в аспирантуре, а потом еще работал в этой парадигме всю сознательную жизнь? Кстати, в приведенной в тексте С.А. Воронина цитате из Гэлбрейта нет никакого признания ценности марксизма для сегодняшнего дня. Там говорится только о том, что в свое время идеи Маркса были очень влиятельны. Зарубежные ученые нам, бывшим советским людям, не указ. Да они не нюхали, что такое марксизм, а мы его наелись.

Во-вторых, мне кажется, что неправильно было бы выдвигать тяжелые обвинения в адрес неких востоковедов, которые будто бы проявляют «самодовольный европоцентризм», будто бы происходит «регресс ориенталистской социологии» — и все это без конкретных примеров и ссылок. Я таких современных востоковедов не знаю.

В-третьих, следует, наконец, после всех дискуссий об АСП, прочесть, что Маркс написал об этом способе и уяснить его взгляды на сельскую общину. У Маркса никогда не упоминаются четыре способа производства или четыре формации до капитализма. Их всегда три. Называться они могут в его трудах по-разному: племенная собственность; античная общинная и государственная собственность; феодальная или сословная собственность [25, 20-22]; азиатский, античный и феодальный способы производства [29, 7]; патриархальный, античный и феодальный строй [37, 101]; рабство, крепостничество, отношения политической зависимости [33, 415]; «первобытное состояние» и «позднейшие общественные отношения, основанные на рабстве и крепостничестве» [31, 194]; «рабовладельческие отношения», «крепостные отношения», «отношения дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй)» [31, 358].

То, что в устах Маркса рабство = античность и феодализм = крепостничество звучали как пары синонимов, не вызывает сомнений. Следовательно, различные характеристики, которые Маркс давал третьему (обычно первому по порядку) элементу триады, тоже представлялись ему синонимами. Множественность характеристик первой формации объясняется тем, что представления о первобытном строе в то время были крайне неопределенными. Маркс вос-

принял гегелевское членение исторического процесса, которое начиналось с «примитивного» «восточного общества». Он несколько переосмыслил эту идею, уделив внимание, в соответствии своими материалистическими взглядами, общине и деспотической власти. При этом предыдущие состояния человеческого общества он просто не считал историей: «Народы, занимающиеся исключительно охотой или рыболовством, находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие» [28, 733]. История начинается, считал он, со стадии сельской общины, однако общество остается племенным. «В условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности фактически в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной существовать самостоятельно» [37, 463-464]. В рукописях он прямо отождествляет «азиатскую общину» с «первобытным коммунизмом» [33, 439].

Их этих цитат ясно, что Маркс представлял себе первобытную общину в виде индийской, в которой существовала система содержания ремесленников, названная впоследствии системой джаджмани. Маркс не вставлял «азиатский способ» между первобытностью и античностью. Он также не мог понимать его как альтернативный античному или феодальному. Маркс был строгим однолинейщиком, у него нельзя найти и намек на возможность разных путей развития. Кроме того, в его время считалось непреложным, что сельская община, если она встречается в классовых обществах, — это пережиток первобытности. Кроме того, он был убежден, что эксплуататорский строй может возникнуть только на основе частной собственности на средства производства, а на Востоке, как утверждали европейские путешественники XVI–XVIII вв., частной собственности не было.

С.А. Воронин совершенно правильно обращает внимание на то, что «азиатский способ производства» для Маркса был вовсе не азиатский, он понимал его как универсальный этап развития человечества, просто страны Средиземноморья пошли дальше — к античному способу производства, а страны Востока задержались на этом первом этапе. Но если это так, то выходит, что Маркс ввел в свою схему азиатский способ не для того, чтобы подчеркнуть особенно-

сти Востока, а, напротив, для того, чтобы вписать его в единый исторический процесс, предоставив ему первую его стадию. Поэтому неправильно утверждать, что «из всей логично построенной схемы выпадал азиатский способ производства», или что Маркс «был последовательным противником европоцентристских схем и обращал внимание на их неприменимость в деле изучения Востока». Как раз наоборот, — Маркс прекрасно вставил АСП в свою схему формаций, отведя ему место в европейской истории⁵. Для него не было истории за пределами Западной Европы, даже народы Восточной Европы он считал «неисторическими» [27, 181-183, 293, 294].

Каким образом в умах основоположников марксизма (Энгельс полностью разделял этот взгляд) совмещались в одном обществе первобытная община и государство (кстати, — все же о классах на Востоке Маркс никогда не упоминает) — это вопрос без ответа. Но совмещались. Это был нонсенс, наши советские «азиатчики» всячески старались этот факт обойти, потому что Маркс заведомо не мог говорить глупости. Но теперь он лишен ореола святости, имеет право говорить все, что ему вздумается, и в том числе право на собственную точку зрения.

Советским ученым трудно было с Марксом в то время, когда он обязан был во всем быть правым. Отсюда замалчивание его точки зрения на АСП как на первобытный строй. Отсюда оригинальная точка зрения Ю.И. Семенова на государственную собственность на землю на Востоке. Так как эксплуатация, по Марксу, может быть только на основе частной собственности на средства производства, а на Востоке, по Марксу же, существовало государство и рента-налог, т. е. эксплуатация, то, следовательно, выражение «частная собственность» следует понимать не так, как его понимают все, а как собственность «части общества». Это просто Оруэлл — «мир — это война». Или вспоминается Мухаммад Абдо: «Если мы видим, что Коран противоречит реальности, значит, мы неправильно поняли Коран».

Как уже говорилось, Маркса подвело господствовавшее тогда мнение, что община может быть только первобытной или пережитком первобытности. Это мнение, возникшее априори, до какого-ли-

⁵ Укажу только на те четыре места, где Маркс недвусмысленно говорит, что «азиатский способ производства» существовал некогда в Европе [29, 20; 30, 88; 346; 35. 36]

бо научного изучения вопроса, казалось, получало подкрепление с открытием общины не только в Индии, но и в Германии и в России. Однако последующие исследования показали, что этот институт к первобытности отношения не имеет. Германская община-марка возникла в средние века, примерно около XII в. Маурер «реконструировал» германскую общину на основании неверных представлений и данных. Русская передельная община явилась институтом, созданным помещиками, ведет свое начало с XVII в., распространилась по Центральной России, а затем в северных губерниях и в Сибири в XVIII вб.

Что касается индийской общины, то ее наиболее известная в историографии форма могла возникнуть только в обществе, разделенным на касты, в том числе профессиональные, т. е. лишь после того, как произошло детальное разделение труда в обществе и возникли товарные отношения. Т. е. она тоже никак не может быть первобытным институтом.

Не привожу в этом разделе ссылок, так как их слишком много. Все они есть в моих работах, которые объединены в сборник. К нему я читателей и отсылаю [2].

Итак, мы с С.В. Ворониным одинаково считаем, что Маркс в конце жизни отказался от формулировки «азиатский способ производства». Чтоб объяснить это, вовсе не нужно обращаться к Витфогелю: Маркс будто б понял, что отмена частной собственности при социализме приведет к деспотизму. Все гораздо проще. Стало известно, что в Германии в России тоже существовали сельские общины; Г.Л. Морган открыл родовой строй. Представления о первобытном обществе стали четче, чем были в начале XIX в. «Азиатский строй» как модель первобытности стал не нужен для формирования схемы формаций.

Наконец, что же все-таки предлагают С.А. Воронин и Б.Г. Могильницкий? Они предлагают объединить стадийный и цивилизационный подходы, создать некую синтезированную теорию. Благое дело. Создавайте. Но как? В чем заключается цивилизационный

⁶ Однажды, когда я докладывал эти сведения на одной из дискуссий, мне возразили, что я излагаю точку зрения лишь одной школы российских историков, так называемой «государственной школы». Да, я базируюсь на выводах этой школы. Но ведь с тех пор, как были опубликованы исследования Б.Н. Чичерина, К.В. Кавелина, а потом еще и не «государственника» Н.П. Павлова-Сильванского, им никто по существу не возразил!

подход? Если его сторонники просто призывают обращать больше внимание на духовную жизнь общества (по-старомарксистски — на «надстроечные явления»), то возражений быть не может, но к теории истории это не имеет отношения. Даже если кто-то придаст идеологическим процессам решающую роль — и тут возразить можно, только если с фактами в руках доказать обратное. Остается главный вопрос: имеет ли человечество единую историю, которая идет по общезначимым для всех этапам, или же оно распадается на отдельные сегменты (цивилизации), каждая из которых эволюционирует примерно тысячу лет, переживает становление, расцвет и упадок и исчезает, сменяемая другой цивилизацией? Совместить эти две теории невозможно.

С.А. Воронин

Реплика на комментарии Л.Б. Алаева

Мне довелось учиться на истфаке университета в конце 80-х — нач. 90-х гг. Помню, что на меня произвело сильнейшее впечатление заявление декана о том, что мы — первые студенты, у которых не будет лекций по научному коммунизму. Однако истмат и диамат нам всё же читали. На третьем курсе у нас появился и вовсе экзотический по тем временам предмет — политология.

Лирическое отступление поясняет, что время и обстоятельства формирования мировоззрения вашего покорного слуги никак не могли способствовать интоксикации его сознания марксизмом. Напротив, начало 90-х гг. прошлого столетия характеризовалась абсолютной вседозволенностью в суждениях, огульным охаиванием марксистской теории, абсолютизацией цивилизационного подхода в исторической методологии, при полной беспомощности его апологетов в формулировке базовых компонентов теории. Подобная атмосфера порождала естественный вопрос: при всех огрехах и ошибках, неужели К. Маркс был настолько неправ во всем? Неужели вся марксистская теория должна оказаться на свалке истории? Не являясь ни двадцать лет назад, ни сейчас марксистом, я все же не мог согласиться с такой оценкой учения Маркса, пытаюсь увидеть сквозь пелену, застилавшую глаза гонителей-неофитов (а ещё вчера яростных ревнителей) марксизма, сухой рациональный остаток, пытаюсь рассмотреть полутона, отказаться от черно-белого подхода в оценках.

Изучая, в силу профессиональных интересов, специфику политического лидерства на Востоке, мне вскоре стало очевидно, что это явление не поддается объективному анализу без детального рассмотрения понятия «восточный деспотизм». А от понимания этого был один шаг до проблемы азиатского способа производства. Отталкиваясь от Маркса, можно понять ту теоретическую базу, на которой он выстра-

ивал свою концепцию. Целью моей статьи являлся историографический обзор взглядов европейских мыслителей, изучение которых привели Маркса к формулировке «азиатского способа производства», а отнюдь не абсолютизация взглядов Маркса, которые, действительно, во многом оказались ошибочными, но во многом и верными.

Яростно и непримиримо борясь с оппонентами, оппортунистами, отстаивая принцип классовой борьбы и социального антагонизма, Маркс, сам того не ведая, объяснил в каком направлении должен двигаться капитализм. По пути сглаживания социальных антагонизмов, по пути развития социальных предпочтений рабочего класса. Именно благодаря Марксу капитализм пошел по другому пути. Концепция глобализации во многом базируется на экономическом детерминизме, что признают даже такие ее апологеты и ярые антимарксисты, как З. Бжезинский.

Марксизм, действительно, моден на Западе Его популярность резко возросла, особенно в 2008-2010 гг., в пик мирового экономического кризиса, который, кстати, также был предсказан Марксом. Работы Маркса издаются в Германии и Великобритании огромными тиражами. Труды Маркса детально изучил и крупнейший экономист, институционалист Дж. Гэлбрейт, которого ну никак нельзя назвать «какой-нибудь». Уважаемый профессор Л.Б. Алаев отмечает, что в использованной мною цитате из Гэлбрейта «нет никакого признания ценности марксизма для сегодняшнего дня». Не могу понять, почему сложилось такое впечатление. Вынужден повторить слова Гэлбрейта: «По многим вопросам сегодняшнего мышления и способу их выражения Маркс обладал наибольшим авторитетом».

Думается, нам следует избавиться от интоксикаций любого рода, в том числе от интоксикации излишней эмоциональностью в оценке научных явлений.

Размышляя о путях эволюции восточных обществ, Л.Б. Алаев отмечает: «Свой путь» вовсе не означает свободу в его выборе. Те руководители современных развивающихся стран, которые провозглашают «третий путь» и отвергают вестернизацию, вынуждены реагировать на импульсы, идущие с Запада, и их политика, таким образом, в значительной степени предопределена этими импульсами». С этим утверждением трудно согласиться.

Абсолютной свободы выбора не существует, свобода всегда есть осознанная необходимость. Любой выбор определяется историче-

скими условиями. Поиск путей развития по «третьему пути» отражает искания, свойственные мыслителям и Западу, и Востоку. Однако феномен идеологии «третьего пути» как политико-правовой доктрины имеет качественные отличия по генезису формирования и методам функционирования на Западе и на Востоке. Для европейской социал-демократической мысли конца XIX в. — нач. XX в. «третий путь» — это, прежде всего, попытка смягчить противоречия между капитализмом и социализмом. Поиск «среднего», «третьего пути» осуществлялся в рамках концепций синдикализма во Франции, ревизионизма в Германии и др. Во 2-ой половине XX в. европейская социал-демократия апеллировала к идеалу, представляющему собой конвергенцию социалистической и капиталистической моделей развития. «Третий путь», таким образом, выступает как результат синтеза позитивных черт двух социально-экономических систем, не противопоставляя одну другой. Одним из вариантов развития по «третьему пути» является доктрина корпоративного государства, в основе которой лежит понятие «солидарность».

На Востоке концепции «третьего пути» стали вызовом существующему биполярному миру. Выбор «третьего пути», отвергающего либеральную демократию, капитализм А. Смита и коммунистические идеалы К. Маркса, был основан на поиске аутентичного пути развития, базирующегося на сохранении самоидентичности, модернизации экономики и социальных отношений. «Третий путь» на Востоке во 2-ой половине XX в. — это попытка постколониальных обществ найти своё место в сложившейся системе международных отношений. В этом смысле концепция «третьего пути», прежде всего, обозначала обоснование независимости и начало нацистроительства. 2-ая половина XX в. стала в афро-азиатском мире парадом суверенитетов. Колониальные режимы рушились один за другим. Независимость и начало нацистроительства в постколониальный период настойчиво требовали ответа на вопрос, по какому пути пойдёт развитие молодого государства, какая социально-экономическая модель будет взята за основу. Одной из таких моделей стал «третий путь», как социальный идеал, зиждящийся на синтезе неотрадиционализма и осознания необходимости модернизации, базирующейся на ценностях солидаризма и эгалитаризма.

Однако в целом основные подходы у нас с Л.Б. Алаевым совпадают. Это оценка АСП как универсального, характерного для все-

го человечества этапа развития. Это и констатация факта об отказе Маркса от формулировки АСП. По мнению Л.Б. Алаева, для объяснения причин этого отказа «вовсе не нужно обращаться к Витфогелю». Однако проблема социогуманитарных наук всегда заключалась в отсутствии четких и однозначных трактовок. Грубо говоря, 2 x 2 в исторических исследованиях не всегда 4. По моему, никто, кроме Витфогеля, не докопался до сути резкого отказа Маркса от АСП. Глубоко убежден, что будущее методологии в учете всех факторов исторического развития, в создании синтезированной теории. А это, действительно, благое дело. Может быть, действительно, в этом направлении дальше всех продвинулся Ю.И. Семенов.

Одним из путей налаживания реального цивилизационного диалога, как мне видится, является отказ Запада от доминирования в рамках глобализации, от политики гуманитарной интервенции, от навязывания традиционным обществам ненужных им и ментально неприемлемых моделей либерального капитализма и сопутствующего ему демократического транзита. Уважение национальной идентичности в рамках глобализирующегося мира является действенным рецептом для перехода от конфронтации к реальному диалогу, толерантности Востока и Запада в мультикультурном мире. Действительно, следует помнить слова великого индонезийского поэта Мпу Тантулара о том, что «единство мира в его многообразии», а не в унификации полиэтнического и многоконфессионального социума. Ищущий — да обрящет.

К вопросу о «формации» и «цивилизации» на Востоке

По меньшей мере с середины XIX в. начался научный поиск и выявление общих закономерностей (включая их причины и фазы) развития общемирового исторического процесса. Уже тогда одной из важнейших проблем в поиске возможных закономерностей стало осознание неравномерностей самого процесса общечеловеческого развития, в том числе кажущееся несоответствие самих закономерностей и уж в любом случае — наличие ярко выраженных особенностей в развитии Запада и Востока. В раннее и развитое средневековье казалось, что Восток опережал Запад по всем характеристикам общественного развития, а вот позже темпы исторического развития этих регионов резко изменились.

Социальная эволюция стран Востока в XVI — XIX вв. носила драматический, в некоторые периоды даже трагический, характер перехода от безусловного доминирования над Западом к столь же несомненному отставанию от него. Об истоках, темпах и даже сущностной стороне этого отставания споры идут с незапамятных времен. Многие, особенно — представители национальных историографий Востока, считают главной, а иногда — чуть ли не единственной, причиной отставания Востока колониальную экспансию западных держав с последующей жестокой эксплуатацией ими народов Востока и последствиями этой эксплуатации — разрушением производительных сил, обнищанием, социокультурной и экономической деградацией.

Несомненно, большая доля правды в этом есть. Но вряд ли все беды Востока можно объяснить колониальным порабощением и вообще «внешним» фактором. Страны Востока очень часто и в доколониальную эпоху вели между собой кровопролитные и разорительные войны, в ходе которых население, народное хозяйство и

культура оказывались на грани уничтожения (а в некоторых случаях действительно погибали). Но это не вело к тем последствиям, которыми характеризуется социальное состояние Востока к исходу XIX в. Иными словами, «внешнее» воздействие, в том числе фактор колониализма, в судьбах Востока сыграли роль значительную, но не решающую.

Большинство исследователей Востока, прежде всего — в Европе и Америке, склонны объяснять отставание Востока особенностями самого восточного общества и иными путями его развития, нежели общества западного. Однако и здесь единого мнения нет. Более того, существует многообразие и даже непримиримость разных позиций. Если обратиться только к отечественной историографии, то здесь стоит отметить еще недавно кипевшие споры между «формационщиками» и «цивилизационщиками».

Первые, исходя из теории исторической смены социально-экономических формаций, объясняли отставание Востока тем, что он попал в «тупик феодальности», не смог преодолеть барьеры феодализма на пути своего развития в исторически реальные сроки и был обречен на насильственную ломку своего традиционного строя в ходе модернизации, навязываемой извне колонизаторами. Отсюда берут начало различные концепции эволюции восточного общества в колониальную и последующие эпохи.

Иначе все объясняют сторонники цивилизационного подхода. Для них важны и основополагающи прежде всего духовные факторы и складывающиеся на их основе отношения, которые функционируют не по формационным критериям и организуют, цементируют общество как в известной мере неизменный социокультурный организм, который следует определенному духовному образцу, своего рода стержню духовной жизни. Роль такого стержня обычно выполняет религия, в связи с чем для любой цивилизации важную роль играет «сфера сакрального» и нередко — сведение культурного наследия к религии.

Преувеличение роли религии «цивилизационщиками» подкрепляется еще и тем, что религия на Востоке — не только вера, философия и культуротворящий фактор, как на Западе. Она здесь также — образ жизни, свод законов и обычаев, социальный регулятор повседневного бытия. Особенно это относится к исламу. Кроме того, в силу этнической пестроты жителей Востока и различия условий

их жизни (кочевников и оседлых, горцев и жителей равнин, обитателей пустынь и оазисов) огромную роль приобретали функции их объединения и сплочения. Выполнявшее эти функции государство обычно нуждалось в их освящении религией. Фактически государство в реализации военной и экономической власти опиралось на духовную, социокультурную и идейную поддержку религии.

Допуская правомерность цивилизационного подхода как такового (А. Тойнби вообще считал историю чередой сменяющих друг друга цивилизаций), хотелось бы все же не противопоставлять его подходу формационному, каковой, со многими вариациями, также утвердился в мировой науке. Они на самом деле не так уж противоречат друг другу. Более того, необходимо взаимодействие и взаимодополнение обоих этих подходов, так как экономика немислима без технологии, а последняя — без развития культуры, т. е. культура и технология, определяющие облик и уровень цивилизации, не могут быть отделены от экономики, определяющей, в свою очередь, социальную структуру, т. е. от факторов формационных. Иными словами, нет формации вне цивилизации, а цивилизации — вне формации.

Сторонники цивилизационного подхода обычно абсолютизируют способность цивилизации жить своей жизнью, не совпадающей с жизнью породившей ее формации. Особенно их восхищает способность цивилизации не идти вперед, а сохраняя накопленное, останавливаться или даже двигаться вспять. Но это — самообман. Во-первых, в развитии формаций также бывают уклоны, отступления, застои и постоянные движения. А во-вторых, несовпадение эволюции цивилизации и формаций — норма, а не исключение. Духовное развитие всегда идет по своим законам, нуждаясь в передышке и усвоении достигнутого, в постижении нового качества. А развитие материальное, в частности экономическое, в большей степени измеряется количественным ростом и механическим продвижением вперед.

Помимо весьма сложных отношений цивилизации (меры развития общества), формации (меняющейся в зависимости от экономики структуры общества) и культуры (меры развития человеческой личности, но также системы ценностей и способа деятельности), для развития Востока всегда характерны были замедленные темпы социальных перемен и более длительные, чем на Западе, периоды переходного межформационного состояния. Любая формация на

Востоке почти нигде не достигала законченной, как в Европе, формы, сохраняя свою гетерогенность, многоукладность.

Не менее важен был и фактор «сопротивления культур», сформулированный известным французским историком Фернаном Броделем. Согласно его концепции, эти культуры и «полуцивилизации» в ответ на все попытки их уничтожить «появляются снова, упорно стремясь выжить». На Востоке все эти культуры, цивилизации и «полуцивилизации» возникли раньше, чем на Западе, укоренились прочнее, и потому восточное общество не только в социально-экономическом, но и в цивилизационно-культурном плане было пестрым, многоукладным, плюралистичным. Каждая предшествовавшая эпоха оставляла свой след в последующих более весомо и заметно, чем это было (в тех случаях, когда было) на Западе.

Таким образом, для социального развития Востока характерны были следующие особенности: 1) более длительный, чем на Западе, характер переходных межформационных эпох; 2) отсюда — стойкая многоукладность, социально-экономическая пестрота восточного общества; 3) особая роль фактора «сопротивления культур», увеличивавшая неоднородность, многопластовость любого социума на Востоке; 4) гипертрофированное значение государства и религии, порождавшее, в свою очередь, столь же гипертрофированные привилегии и влияние бюрократии и духовенства. К этим особенностям внутреннего свойства следует добавить игравшие подчас решающую роль факторы воздействия извне, каковыми преимущественно до XVI в. (в Евразии до XVIII в.) были завоевания и нашествия кочевников, а после XVI в. — колониализм стран Европы.

В настоящее время в востоковедной исторической науке сложились четыре концепции развития Востока, учитывающие социально-экономическое и прочее сходство Востока с Западом: 1) «теория зависимого развития», отводящая Востоку роль зависимой и отсталой периферии центров мирового капитализма на севере Америки, на западе Европы и в Японии; 2) теория «дуальности», делящая восточное общество на «современное» (преимущественно насажденное извне и сориентированное на Запад) и «традиционное» — лишь частично подвергающееся медленной и мучительной трансформации и модернизации; 3) теория «многоукладности»,

представляющая восточное общество в качестве своеобразного конгломерата разнородных социально-экономических укладов (от натурально-патриархального до государственно-капиталистического), само соотношение, количество и удельный вес каждого из которых необычны для Запада, несвойственны ему; 4) теория «общественного синтеза», исходящая из наличия на Востоке как укладов с однородной внутренней структурой, так и укладов «синтезированного» типа, когда в процессе воспроизводства участвуют неоднородные в социально-экономическом отношении элементы (например, рабочие и феодалы, буржуазия и патриархально-общинное крестьянство).

Последняя концепция как бы претендует на обобщение всех предыдущих, сформировавшись окончательно в 1980-х гг. и делая упор на то, что само развитие «общества на Востоке идет через процесс взаимопроникновения модифицированных элементов разных укладов с последующей их трансформацией» [51; 46, 207].

Во всех этих концепциях — немало общего. Все они исходят из социально-формационной и иной неоднородности восточного общества, наличия в нем различных укладов, что является главной и принципиальной его особенностью в отличие от Запада, где многоукладность — или реликт, или второстепенная особенность, или отсутствует вовсе. Очень важно определение восточного общества как переходного, в котором прошлое и настоящее, традиции и современность находятся в более сложной диалектической связи, чем на Западе, более «равноправны», равнозначимы. Для понимания Востока также важно понятие «исторической эпохи», введенное в конце 1970-х гг. в отечественную историческую науку и сводимое к длительному периоду, характерному устойчивым взаимодействием двух или более одновременно сосуществующих ... формаций» [40, 5].

Понятие «формация» применимо к истории Востока, но с учетом того обстоятельства, что длительные переходные межформационные эпохи занимают в этой истории, в отличие от истории Запада, гораздо большее, если не доминирующее, время. Нередко их ошибочно называют «восточный феодализм», «восточный капитализм» и т. п., подразумевая под этим формации «нечистые», смешанные, как бы «загрязненные» инородными компонентами и отношениями. На самом деле это особенность не формаций на Востоке, а самого восточного общества, испытывавшего сильное вли-

ание географических условий, климата и экологии Востока. В свою очередь, это предопределило особый тип хозяйства и варианты его эволюции. Благоприятные природные условия способствовали здесь раннему развитию своеобразных культурно-исторических типов социального бытия, но наличие громадных просторов пустынь и степей породили кочевничество с его устойчивым на тысячелетия образом жизни и с постоянно им рождаемой (и осуществляемой периодически) угрозой более цивилизованным районам и целым странам. Разрушительные нашествия кочевников — постоянный фактор истории Востока. В то же время именно здесь больше всего проявился фактор «сопротивления культур», которые, в ответ на попытки их уничтожения, «появляются снова, упорно стремясь выжить» [5, 119].

Это обстоятельство, как представляется, послужило причиной для возникновения в 1990-е гг. дискуссии о «формационном» и «цивилизационном» подходах к анализу социально-экономического и социокультурного развития Востока. Сторонники первого подхода продолжают отстаивать применимость понятия «формация» к истории Востока с теми или иными поправками (в соответствии с взглядами все того же Арнольда Тойнби). По мнению сторонников такого подхода, именно цивилизация является критерием развитости и самобытней любого общества. Но истина, очевидно, в совмещении формационного и цивилизационного подходов. Формация и цивилизация иногда совпадают, ибо вне формации еще не рождена ни одна цивилизация. Но нередко они не совпадают (подобно, скажем, этносу и языку). Диалектика их взаимоотношений характеризуется одновременно взаимозависимостью и относительной независимостью друг от друга. Не вдаваясь в сложные отношения цивилизации (меры развития общества) и культуры (меры развития личности, но в то же время системы ценностей и способа деятельности), следует указать, что цивилизация, помимо духовной и материальной культуры общества, включает также всю совокупность институтов политической надстройки, каковые являются мостиком между духовной культурой и экономическим базисом, результатом взаимодействия социальных связей и социальных ценностей данного общества. Именно этот компонент многих сбивает с толку, вызывая желание подменить формацию цивилизацией. Но в целом цивилизация, нередко складывающаяся на

протяжении ряда формационных эпох, обладает большей устойчивостью, преемственностью, непрерывностью накопления информации, в то время как для формационного начала характерны переменчивость и конфликтность. Моменты несовпадения формации и цивилизации — норма, а не исключение. Иногда цивилизации переживают формации, иногда — гибнут вместе с ними, но более замедленно, оставляя более заметный, чем формации, след в исторической памяти человечества. Это ярко проявляется в различные переломные или переходные эпохи, особенно свойственные Востоку и связанные с ломкой старых и образованием новых структур исторического пространства.

Реплика

Начну с того, что отмечал в реплике на текст Б.Г. Могильницкого: давайте определимся, о чем мы говорим. Что мы понимаем под цивилизационным подходом? Выдвижение культуры (религии) как основного критерия различения обществ и отодвигание на второй план фактора развития экономики, или же отрицание всемирно-исторического процесса и понимание истории как смены не связанных друг с другом цивилизаций, которые возникают, расцветают и умирают?

Классический цивилизационный подход (Н. Данилевский, А. Тойнби и др.) базируется на идее, что нет человечества, нет и его истории. Надо расстаться с общемировой стадильностью и поисками закономерностей. Трудность принятия такого взгляда заключается в том, что надо доказывать, что месопотамская и древнеегипетская цивилизации не повлияли на античную, что последняя не повлияла на Западную Европу, что Античная цивилизация не повлияла на арабо-мусульманскую, а та, в свою очередь, на Западноевропейскую. И т. д. Эта теория цивилизаций глубоко чужда стадильному подходу, и соединить эти два подхода невозможно.

А.М. Родригес рассуждает в рамках другого понимания проблемы. Он остается на позициях стадильного подхода, только «чуть-чуть» перевернув формационную теорию. Ведь и она утверждает, что некоему базису соответствует определенная надстройка. «Просто» мы начинаем утверждать, что бывшая «надстройка» — на самом деле базис. Фактически «цивилизацией» он называет некое состояние культуры, то, что мы называли «надстройкой», а «формацией», видимо, — способ производства. (Дважды автор пытается «развести» «цивилизацию» и «культуру», но ясности в этом вопросе не добивается.) В этих рамках можно «поженить» «перевернутый» формационный подход с так называемым «циви-

лизационным», правда, возникают новые трудности. С экономикой все же яснее. Хотя до сих пор марксисты так и не выработали единицу измерения «уровня развития производительных сил», все же кое-какие данные можно использовать, скажем, ВВП на душу населения или производительность труда. Но как измерять культуру? А измерять ее, коль скоро исследователь не отказывается от стадильности, придется. Но нет инструментов, чтобы определить, какая культура (религия) выше или ниже. Но те, кто убежден, что культура двигает человечество вперед, пусть доказывают это на конкретном материале.

Заключительное слово

Обмен мнениями участников Круглого стола в некоторой степени отражает общую ситуацию состояния теоретических основ современной российской историографии. Это ситуация теоретических происков и противоречий, часто — несовместимости взглядов по одному и тому же вопросу. Подвергаются пересмотру не только основные принципы теоретического мышления советской историографии, но порой те конкретно-исторические и теоретические наработки, которые выходят за рамки исследований советской историографии. Предметом споров становятся представления о том, что такое рабство, феодализм и т. д. Утрата (или отсутствие) устойчивых теоретических представлений об истории — один из характерных признаков этой ситуации споров и разногласий. Правда, устойчивыми или тем более окончательными они не могут быть навсегда, что делается невозможным развитием истории и развитием познания, и тем не менее, безбрежный плюрализм — не самая лучшая теоретическая основа познания, особенно, если выдержан в духе постмодернизма с его основополагающим тезисом: «Историю, как совокупность свидетельств прошлого, можно изложить весьма изрядным числом равно состоятельных способов» [58, 283].

Ситуация безбрежного плюрализма объясняется, во-первых, развитием самого исторического познания, в ходе которого накапливается новый фактический материал, связанный с познанием прошлого или с новой фазой развития действительности, что с неизбежностью ставит вопрос о соответствии этому материалу существующих теоретических представлений. Другой и, по существу, главной причиной является изменение общественного строя в стране, что еще с большей очевидностью делает неизбежным пересмотр содержания и структуры теоретических позиций историка.

Окружающая современного историка действительность становится не только ключом к познанию прошлого, но и — в зависимо-

сти от того, в каких руках это находится — отмычкой, инструментом его искажения в угоду тем или иным исходящим от окружающего историка времени импульсам, веяниям или даже требованиям. Впрочем, есть еще одна предпосылка плюрализма исторического мышления на всех его уровнях, делающая плюрализм в разной мере — в зависимости от общественных условий — неизбежным; это — неисчерпаемость исторической действительности, недоступная во всей полноте ее восприятия никому.

Участники Круглого стола выразили различия в понимании и оценке роли формационного подхода сегодня, в соотношении формационного и цивилизационного подходов, в понимании азиатского способа производства на материале взглядов Маркса. Эти различия имеют отношение — прямое или косвенное — к проблеме многофакторного подхода к изучению истории. Неисчерпаемость действительности — это продукт ее многообразия, складывающегося из действия множества причин (пружин, факторов), сочетающихся в разных условиях места и времени по-разному, что предполагает наличие различных путей, вариантов, следовательно, и этапов, фаз их развития. Во всем этом заключено бесконечное многообразие; следовательно, понять историю — значит понять ее как многообразие. Однако понять ее таким образом невозможно не только потому, что многообразие неисчерпаемо и никакой эмпирический уровень исследования охватить его не в состоянии. Многообразие — само по себе препятствие на пути познания сущности явлений, скрытое за конкретно-исторической формой их проявления и недоступное простому описанию (наблюдению, как сказал бы физик). Но дело не только в этом. Как складывается та цепь событий, именуемых историей, на разных уровнях и временных этапах ее развития? История — не хаос, не броуновское движение, в ней есть определенная логика развития. Является ли эта логика простой арифметической суммой, продуктом многообразия? Ответ на этот вопрос однозначен: нет, очевидным, не требующим особого доказательства свойством исторического развития является его неравномерность во всем — уровне, зрелости форм, этапах; с точки зрения многообразия остается необъяснимым, почему оно в одних условиях приводит к одному, в других — к другому и т. д., в сущности, до бесконечности. Следовательно, необходим — в мышлении — уход от многообразия и поиск того фактора, варианта, этапа развития, который первенствует,

преобладает; следовательно, необходим переход от плюрализма к монизму, хотя последний же может быть монизмом одностороннего характера, т. е. признанием некоторого фактора в качестве единственной движущей силы событий или истории в целом.

Подобный подход выражен в дискуссии участников Круглого стола. «Общая периодизация исторического процесса нужна. Она должна определяться этапами эволюции передовых социумов.» «... всемирная периодизация истории определяется этапами, переживаемыми ведущими социумами. Другие социумы движутся по путям истории под влиянием передовых и имеют собственные закономерности развития и не повторяют этапы передовых стран» (Л.Б. Алаев). И еще: «По моему мнению, общий характер эпохи определяется не столько количественным составом класса основных производителей..., а преобладанием структуры социально-экономической, политической и культурно-религиозной ячейки...такой ячейкой в древнем Риме была товарная рабовладельческая вилла, в средние века — феодальная крепостная вотчина, в капиталистическом обществе — фабрика...» (В.И. Кузищин). В обоих случаях к решению разных проблем применена одна и та же логика мышления — уход от многообразия и выбор определяющего фактора. Правда, следует признать: определяющий фактор мог быть выявлен только в ходе многофакторного анализа, предшествующего этому. Элементы подобной логики мышления высказывались и раньше. «Человечество развивается не так, что все народы сами, своими силами и независимо друг от друга проходят общие стадии, но так, что в определенных обществах возникают условия, при которых совершаются открытия, которые затем обязательно распространяются на все другие общества» [50, 47]. Здесь нужна поправка: другие общества не повторяют буквально открытия, чему мешает непреодолимость многообразия. Наконец, автор этих строк использовал подобную логику мышления в изучении вопроса о природе исторических понятий; в полемике с теорией идеальных типов М. Вебера с ее тезисом об отсутствии прообраза понятия в действительности доказывалась опора научного исторического понятия на самый развитый, зрелый вариант однопорядковых явлений», как на свой прообраз [47]. В этом смысле содержание понятия — не простая арифметическая сумма многообразия признаков исторической реальности, а, так сказать, слепок с наиболее развитого, зрелого варианта исторических явлений, слу-

жащего ключом к понимаю всех других их разновидностей. Рассмотренная логика мышления — ключ к пониманию действительности, истории в целом в ее единстве, многообразии и неравномерности.

Участники Круглого стола в общей форме и, так сказать, попутно выразили свое отношение к марксистскому варианту исторической теории, в особенности — к формационному подходу. Различие в подходах и оценках есть и здесь, хотя оно несопоставимо с теми крайностями плюрализма по данному вопросу, которые имеют место в более широком спектре участников дискуссии с начала 90-х гг. Вот одна из них: «Поиск новых подходов к изучению истории диктуется необходимостью преодолеть пережитки марксизма в сознании историков, преодолеть марксизм как метод исследования, как инструмент научного анализа. Несостоятельность этой теории слишком очевидна, и я не буду останавливаться в этом» [15, 5].

Правильно, не надо тратить слов впустую, независимо от количества сторонников этой точки зрения она уже не решает судьбу теории в общественном сознании и в научной сфере. В конце XX в. в Англии был произведен опрос населения (BBC) на тему: кто из ученых оказал наибольшее влияние во втором тысячелетии? Ответы: 1) Маркс; 2) Эйнштейн; 3) Ньютон. Далее, опрос в Германии 2003 г.: кто из немцев оказал наибольшее влияние на жизнь страны? Ответы: Аденауэр, Лютер, Маркс. Что же касается области исторического познания, то, в частности, экономический детерминизм Маркса в той или иной форме стал составной частью мышления историков, которые себя в последователях Маркса не считают. Один пример: «Логика исторического процесса неумолима: способ производства определяет историю, поскольку порождает фундаментальный механизм удовлетворения основных человеческих потребностей и желаний. Образ, каким люди удовлетворяют свои потребности, порождает соответствующие формы управления и общественные идентичности» [19, 535]. Это — Чарльз Капхен, профессор Школы международных отношений при Джорджтаунском университете. Под сноской 13 названы следующие авторы: Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Э. Геллнер. Даже от этого, несколько странного перечня имен веет большим здравомыслием, чем от откровений антимарксиста. Здравый и проблемный подход к теории Маркса заключается совсем в другом — в признании, которое является условием научного ее понимания сегодня, именно, понимания того, что в ней есть: 1) нечто изначально ошибочное, 2) есть поло-

жения, обладающие достоинством истины для своего времени и переставшие быть таковыми сегодня и 3) есть нечто непреходящее [22, 4]. К последнему относится, прежде всего, экономический детерминизм Маркса с обязательным однако условием соблюдения его точного смысла — не выступать в качестве единственной первопричины всего сущего, что порой приписывается этой теории. Монокауальность — ошибочное (или намеренно искаженное) представление о ее сути, понимание чего имеет место и у ее противников: «О Марксовом материализме было сказано много совершенно несостоятельного. Особенно нелепо звучит часто повторяемое утверждение о том, что Маркс не признал ничего выходящего за пределы «низших», или «материальных» аспектов человеческой жизни» [43, 121]. Уходя от обвинений в монокауальности, Энгельс писал, что экономический фактор является в историческом процессе определяющим «в конечном счете» (выделено Энгельсом — Н.С.) [36, 394-395]. Впрочем, фраза «в конечном счете» сама по себе требует расшифровки, чего у ее автора нет. Способом этой расшифровки может быть только детальный анализ соотношения экономических отношений и структур с тем, что именуется надстройкой применительно к разным периодам исторического развития. Только такой анализ может показать, в частности, степень обоснованности такого, например, утверждения: «Ошибка последователей К. Маркса состояла в том, что зависимость надстройки от базиса, вполне реальную в условиях современного ему капитализма, они приняли за неизменно присущую всем стадиям общественного развития» [14, 25].

Обмен мнениями участников круглого стола (Л.Б. Алаев, С.А. Воронин) делает в современных теоретических поисках, надо полагать, одной проблемой меньше. Речь идет об азиатском способе производства из наследия Маркса; представления об этом Маркса, согласно выводам участников дискуссии, могут быть отнесены, по приведенной схеме академика И.Д. Ковальченко, к изначально ошибочным, а сама проблема — несуществующей. Примерно так же обстоит дело с выводом по отношению к весьма длительной и острой дискуссии 90-х гг. XX в. о соотношении формационного и цивилизационного подходов. Участники круглого стола в этом случае высказали разные точки зрения относительно упомянутого соотношения (Л.Б. Алаев, Б.Г. Могильницкий, В.И. Овсянников, А.М. Родригес). Вполне обоснованным, в некоторой степени очевидным, следует признать вы-

вод об отсутствии какого-либо теоретического результата в форме синтеза двух подходов по одной простой причине: невозможно сочетать то, что есть (формационный подход), с тем, чего нет (цивилизационный подход). В том, что такое цивилизация, цивилизационный подход, нет даже приблизительной ясности и определенности.

Может быть, этот итог дискуссий говорит о том, что российская историография пока не стоит у порога новых теоретических выводов и открытий масштабного характера, т. е. новой общей теоретической основы исторического исследования.

Литература:

1. Алаев Л.Б. История Востока. М.: РОСМЭН, 2007.
2. Алаев Л.Б. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М.: Вост. лит., 2000.
3. Алаев Л.Б. Рецензия на книгу Л.С. Васильева «Всеобщая история. Т. 1-2» // Восток. 2009. № 1.
4. Бернье Ф. История последних политических потрясений в государстве Великого Могола. М., 2008.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. 2. М., 1988.
6. Васильев Л.С. Всеобщая история. Т. I. М.: Высш. школа, 2007.
7. Васильев Л.С. Всеобщая история. Т. II. М.: Высш. школа, 2008.
8. Васильев Л.С. История Востока. Т.1. М.: Высш. школа, 1998.
9. Вигасин А.А. История Древнего Востока: учебное пособие. М.: Дрофа, 2006.
10. Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870.
11. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения. Т. 8. М.-Л., 1935.
12. Гэлбрейт Дж. К. Экономическая теория и цели общества. М., 1976.
13. Джонс Р. Экономические сочинения. Л., 1937
14. Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Формация или цивилизация? Сб. статей и материалов / Под ред. проф. В.И. Овсянникова. М., 1993.
15. Иванов Н.А. Восток: новые подходы к изучению истории // Восток. 1993. № 4.
16. История Востока. I. Восток в древности. М.: Вост. лит., 1997.
17. История Востока. II. Восток в средние века. М.: Вост. лит., 1995.
18. История Востока. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. М.: Вост. лит., 1999.
19. Капхен Чарльз. Закат Америки / Перев. с англ. Б. Сыркова. М.: АСТ, 2004.
20. Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879.
21. Ковальзон М.Я. Социально-философский смысл понятия «производительные силы» // Вопросы философии. 1981. № 4.
22. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1.
23. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33.

24. Ле Руа Ладюри Эмманюэль. Монтайю, окситанская деревня (1294 — 1324). Екатеринбург, 2001.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1955-1973.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955-1973.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М., 1955-1973.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. М., 1955-1973.
29. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М., 1955-1973.
30. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М., 1955-1973.
31. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. М., 1955-1973.
32. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. М., 1955-1973.
33. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 26. Ч. 3. М., 1955-1973.
34. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 28. М., 1955-1973.
35. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 32. М., 1955-1973.
36. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 37. М., 1955-1973.
37. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М., 1955-1973.
38. Маурер Г.Л. Введение в историю общинного, подворного и городского устройства и общественной власти. М., 1880.
39. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977.
40. Новая и новейшая история. 1979. № 1.
41. Обмен мнениями: актуальные проблемы анализа производительных сил докапиталистических классовых обществ // Философские науки. 1983. № 6. С. 12-34.
42. Одиссей. Человек в истории. Феодализм перед судом историков. М.: Наука, 2006.
43. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992.
44. Производительные силы как философская категория // Вопросы философии. 1981. № 4. С. 87-95.
45. Семенов Ю.И. Загадка и разгадка проблемы «азиатского» (политарного) способа производства // Ф. Бернье и проблема «азиатского» способа производства. М., 2008.
46. Симония И.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
47. Смоленский Н.И. Историческая действительность и историческое понятие // Вопросы истории. 1979. № 2.
48. Уколова В.И., Ревякин А.В. Всеобщая история: с древнейших времен до конца XIX века. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2006.
49. Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола. Москва, 25 апреля 2005 г. М.: ИВИ РАЕН, 2008.
50. Фурман Д.Е. Наши тревоги и всемирная история // Вопросы философии. 1990. № 11.

51. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
52. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Избранные произведения в 3 т., М., 1986.
53. Forester W. The embassy of sir Thomas Roe 1615-1619, Oxford, 1926.
54. Huntington S.P. The third wave: Democratization in the late 20-th century, Norman, 1991
55. Maine H.S. Village Communitis in the East & West. L., 1871.
56. Mukherjee S.N. Sir William Jones. A Study in eighteen century British attitudes to India. Cambridge, 1968.
57. Patton R. The principles of Asiatic monarchies, politically & historically investigated & contrasted with those of the monarchies of Europe showing the dangerous tendency of confounding them in the administration of the affairs of India; with an attempt to trace this difference the affairs of India; with an attempt to trace this difference to its source. L., 1801.
58. White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth — Century. Europe. Baltimore, 1973.
59. Wilks M. Historical sketches of the south of India in an attempt to trace the history of Mysoor. L., 1810.
60. Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative study of total Power, New Haven. London, 1957.

**«Многофакторный подход к изучению истории
как проблема методологии»:
круглый стол
в Московском государственном
областном университете**

Дизайн и вёрстка: *Клебанова К.Ю.*
Корректра авторская

Подписано в печать: 26. 11. 2012 г.
Бумага офсетная. Гарнитура «NewtonС».
Печать офсетная. Формат бумаги 60/84_{1/16}. Усл. п.л.5,05.
Тираж 500 экз. Заказ № 98.

Изготовлено в Издательстве МГОУ.
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а.